

смена

№ 24 (926) ДЕКАБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

из-за пазухи и нажать кнопку затвора, мгновенно, иначе замерзну. Знаете, что такое «порядок»? Место лежания, чистые буфеты. Из фанеры, а иногда из снега. И лунки во льду. В одни опускают невод, из другой всплывают сеть. Тяги воздуха — нельзя лучше идет.

Волода давно рыбачит. Под Куйбышевом, потом под Астраханью, на тонах.

— Там и рыба другая. Да и много-дай-то приличия плаванию в румянцу и смеется. И профессия у рыбака там одна — рыбак.

Но ут он ловит нельму. Тут приходит в грустные, поклоненные лицами или бочин — это когда в короткое полярное лето приходил суд. Собаки грызли зверя, тут он наехал. Собаки у него замечательные. Заботится он о них, потому и упрямка одна из самых симпатичных.

Вы у лунки долго не стойте. Глядите, уж комах задубел. Тут и птицы сидят, и пастушиться можно. Правда, вертолеты. Да и врачи чудо...

Как «журналистское счастье» вывело меня к Юре Каримову.

...Взгляните на карту Тикисинской бухты. Тикиси самое низкое место в окрестных восточных водах и прареке — Быков мыс. Если вездеход, ушедший из Тикиси, не попадет в моряках, ни на Быковых мысах значит, промахнулись, прошли в створе, ушли в океан... И тогда на помощь придут врачи-промахонеры. Он начинает свой путь с запада и ползет к зениту, чтобы потом уничтожить остров, все знают об этом. А за несколько минут до всех врач Каримов.

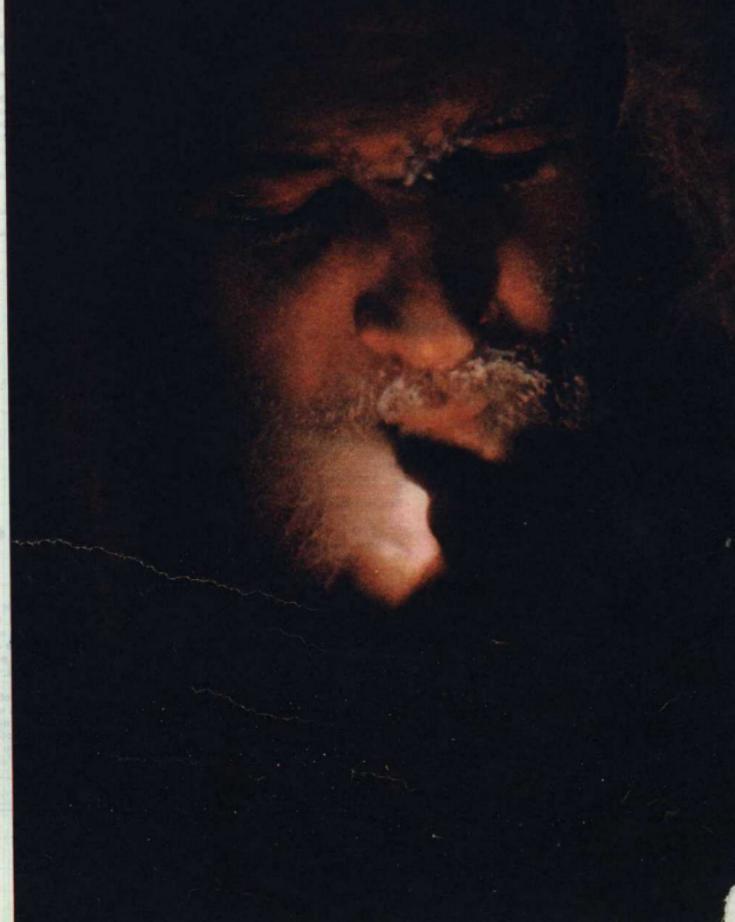
Юра копошится около белого

См. стр. 4.

Самолет в Арктике — это жизнь. Пасынка родных и друзей, газеты, медиакомпании, оборудование, продовольствие, радость общения с Большой землей.

На самом ветру, на рыбачьем «порядке», закуривал Володя Лыковцев.

От зимовки до метеоголовщицы — десятка два шагов. Но иногда этот путь не пройти и за час. Но пробы метеорологи берут в любую погоду.

ПЕРВОЕ
ЗНАКОМСТВО
С ПОЭТОМ

Их называют поэтами «Горизонта». «Горизонт» — редакция молодежно-литературного ленинградского телевидения. Владимир Дроздов, Юрий Маркович, Алла Тер-Акопян, Игорь Долиняк вышли победителями в своеобразном турнире начинающих поэтов, который состоялся на голубых экранах.

По приглашению ЦК ВЛКСМ начинающие поэты побывали в Москве. Алла, Игорь, Юрий и Владимир были гостями комсомольских журналов. Интересная встреча с ними состоялась и у нас в редакции. Стихи начинающих поэтов впервые напечатаны на страницах «Смены». Пожелаем же поэтам «Горизонта» доброго пути!

Игорь ДОЛИНЯК

* * *

Человеку много дано. Человеку мало дано. Детство — только одно у нас. Юность — только одна у нас. Нас дается одна весна, жизнь одна и любовь одна, и один настоящий друг,	и один настоящий враг, и одна нам дана страна, в стране — одна сторона. Это нудро заведено: все одно. одно и одно. Можно много друзей иметь, много врагов иметь, много женщин и много чубунков, но тогда оставшись — один.
---	--

* * *

Осенний дондъ
по стенам
шарпаят
и голосист,
и длинногог.
У дондъа,
женя в котором
Блок,
сказал мне спутник:
«Снимем шляпы!»
Мы
с непокрытой головой
прошли
безмолвно

мимо двери,
а дом стоял,
как все
трехмерен
и до обидного
простой.
Не заслужил бы он
почета,
но удержал бы
даже взгляд,
но было что в нем
четвертое,
чего не выдумал
Декарт.
И по неведомым
лекалам

вдруг изогнулись
этажи,
и в окнах звуки
замелькали,
пересекая
нашу жизнь,
и взгляды женщин,
и изменили,
у стен
обидчивость громы...
Вокруг
в четвертом измерении
другие
рухнули
дома!

Александр МЕЖИРОВ

ТБИЛИСИ. ЦЕХ

На склон
из ассирийского района
Выносит гроб с водителем такси.
Сирены вют
[Господи, спаси!] —
И горестно поют и разъяренно.

Дощатый гроб
над склоном чуть креня,
Толпа выходит на тропу кругую.
Накала на клаксона шоферов,
Соратники и други салютуя.

Кренится над оврагом владук.
Кренится ноша медленно и тяжко.
Вдовы
враскачу
под руки водят:
Вся в черном,
убивается
Бедняжка.

У каждого шофера в голове
Простая мысль и явная забота:
Вполне возможно, что моей вдове,
Как мы теперь,
поможет завтра кто-то.

Пусть обеднею,
разорюсь пускай,
Зато
сегодня
разделю с вдовою
Все, что имею...

О, не иссажай
Остаточное братство цеховое!!!
Лежит мертвач
тежел и недвижим,
В костюме полосатом, как в пикаме.
И лысые воробушки над ним,
И рыжий воздух выстрижен
стрижами.

ОБЪЯСНЕНИЕ
В ЛЮБВИ

...И обращается он к милой:
— Любят меня за то, что смюк
И красотой не обделен.
Не обделен, не обездолен,
В поступках — тверд, а в чувствах — волен,
За то, что молод, но умен.

Любят меня за то хотя бы,
За что других любят бабы,
Всем сердцем, вопреки уму,—
Любят меня за то хотя бы,
Что некрасивый я и слабый
И не пригодный ни к чему.

* * *

Мне кажется,
я все счастье, —
приключением, прыгнув
в жизнь из детства.
Лечу, волниусь,
головой верчу,
стараюсь в землю близкую
глядеться.

Земля вполне надежна,
но чуть-чуть
покачиваясь.
Трудно приучиться
ходить мне по земле.
Уже не то, —
но все пока никак не прыгнуться.
Я жив в кварталах
и в полях Бородина,
где, угощая кому-то не стараясь,
некоштенные выситься
доиди,
спокойней шелестя и выпрямляясь.
И всегда удивительная высъ.
Я рассудаю странно и нелепо:
Мне кажется,

что, как парашютист,
я все лечу под парашютом неба.

ПОДСТРИЖЕННЫЕ

ДЕРЕВЬЯ

Здесь кто-то
править
весну решился:
поют
неправильно
хористы-листья.
И вот
вдоль улицы
[и выбрас время],
калече
музыку,
стригут деревья.

Чтоб стволы
тухлыми,
прятно
гладкими,
чтоб ветви
пуделями
на задних лапах.
Как бы
срифмованные
руками мастера,
деревья —
деревянико
из парижмажерской.
Не до беспечности —
они тревожатся.
Вонде
мерещатся им
люди с ножницами.

Подруга дней моих суровых...

А. Пушкин

СЕРНУХОВ

Принесла, сердце рана,
Телеграмма из села.
Процай, Дуня, моя нянь,—
Ты жила и не жила.

Паровозов хранил ходот,
Стылых рельс двойная нить.
Заворачивая в холод,
Уезжай хорохот.

В Серпухове,
на вокзале,
В очереди на такси:
— Не посадим,—
мы сказали,—

Не посадим,
не проси.

Мы начальников не возим.
Наш обычай не таков.

Ты пройдись-ка пешком восемь
Километров до Данков...

А какой же в начальники,
И за что меня винти?
Не начальник я —
печальник,

Еду няню хорохит.

От безмерного страданья
Голова моя бела.
У меня такая нянь,
Если б знали вы,
Была.

И жила большая сила
В няне маленькой моей.
Двух детей похоронила,
Потеряла двух мужей.

И судить ее не судим,
Что, с землей поравнши связь,

Юрий МАРЦИНКЕВИЧ

НОЧЬ НА ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ

Борта лоснятся от росы.
Поют, как струны, цепи.
У лодок гордые носы
куда-то вдались
населены.
Они молчат, насторожив
натянутые морды.
Здесь все им кажется
чуками,
далекими,
словно море.

А в этом море свой закон:
в нем цели,
а не цены.

А здесь загон:
гримят замки,
поют, как струны, цепи.

Там волны,
что змейль вина,
шатают караваны.

А здесь покой
тишина.
Хоть складывай в карманы!

И в скучной будне
сторон спят.
[Ах, кто его придумал!]
Он, как газодами,
к сну прибывает,
подушками придушен!
Бегите, лодки,
кто куда,
сейчас же,
этой ночью!
Ведь спящий сторож —
это ...
А я просплю нарочно.

Рисунки В. АРОНИНА

К присоветованным людям
Из деревни подались.

Может быть, не в этом дело,
Может, в чём-нибудь другом...
Все, что знала и умела,
Нина делала Бегом.

Вот ленит она, не дышит,
Стужик лиз покойный пышет,
Не замек никто свечу,
При последней встрече с няней
Вместо вздохов и стенаний
Стиснул зубы и молчал.

Не скаку о ней ни слова,
Потому что все слова —
Золотистая полва,
Яровая половь.

Самы вытаски сани,
Самы в лощадь запрягли,
Гроб с холодным телом нянни
На кладбище повезли.

Хмур могильщик. Всички зол.
Маются от скучи обра.
Ковыняют волы гробы
От сугроба до сугроба,
Путь на кладбище тяжел.

Вдруг из ветхого сарая,
На данковские снеги,
Кувыркается и гряда,
Выкатились два щенка.

Сразу с лиц слетела скуча,
Не осталось ни следа.
— Все же выходила суха,
Да в такие холода...

И возникнул, вроде скрипок,
Неземной какой-то звук.
И подобие улыбок
Лица высыпало вдруг.

А на Сретенке в клетушке,
В полуслышной мастерской,
Где на каменой подушке
Сидит Владимир Луговской,
Знаменитый скульптор Эрнст
Некрасовский

глуми мескт;
Весь в поту, не сип, не ест,
Руководство МОССИ бесит;
Не дают устроить москву,
Не дают заслонить глине.
Но какой-то там из линий,
Слава богу, мы в родстве.

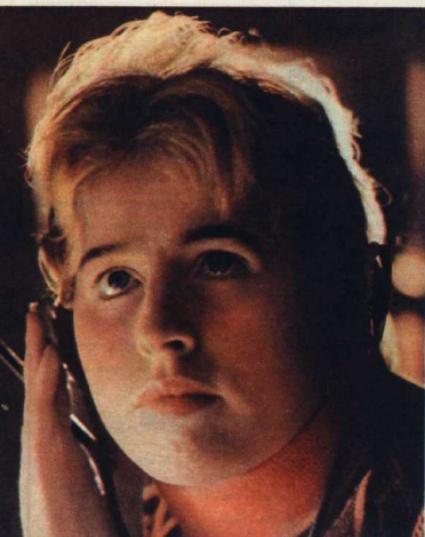
Он прерает свои исканья,
Когда же в него приду,
И могильную плиту
Нянь вырубки из камня.

Блинко и пасека дожди заледят,
Свят сайдет, земля оксает —
Подмосковный чернозем.
По весенне глине свежем,
По дороге непроще повезем.
Мы надгробье повезем.
Ну, та б крылом, беда,
По моей веселой жизнин
И не ней

ясней
оттиски

Образ нянни
Насегда.

Родина моя, Россия.
Нянь... Дуня... Евдокия.

шиафнича. Ему звонят. Он слушает, потом говорит:

— Паша! — отвечаю я, хотя точно знаю, что по нашему, «по магнитно-волновому» звонку это не Паша.

И все-таки мы летим. Чуть-чуть

прогибаемся. Мы мотаемся по наклону, и на карте полета возникает сеть из веретен чертят квадратами. Там, разумеется, синие линии тока. Опытный водитель вездехода дядя Бася делает все ровные радиусы. Они или застывают на движущуюся. Где они теперь?

Чуть погодя я сплю. Потом вниз — какой-то дымок и вездеход, который стоит, уничтожая ледяные блоки, которые бьют в него, значит, вторые сутки подряд.

В распахнутую дверцу вертолета врывается ярко светящийся, грозного вида. Несколько мороз забирайет под межковую куртку и в унты. Миро, он же Миша, входит в лестницу. Потом, подсаживая радиостанцию в водительскую, возвращается на борт. Теперь его глаза горят по-

мощью приборов магнитометрии. А я, сидя в наблюдении Каримова, Он расстегает прихваченное морозом лицо и руки, чтобы я мог помочь ему. И мне хочется о многом, расспросить его. Ведь я знаю только, что ему двадцать восемь лет, и что он улетел сразу после окончания института. Но поговорить, ноги так и не удается. В Столовой Холода таинственная женщина, и, перекинув через плечо ви-давшую виду сундука Юра опять ухо-

дит в будничной магии.

...В такую погоду от Тикси до поселка Холода — это путь в один час на вездеходе. Обмыкновенная станция, как уверяет ее начальник Волков, не имеет определения, а мы молодые ребята-поларники передаем отсюда данные о погоде. Малик на Марсе, Краснодар, все капитаны. Он светит тридцать лет.

Живут на станции девять человек. Ничего особенного нет, кроме, конечно, как боги

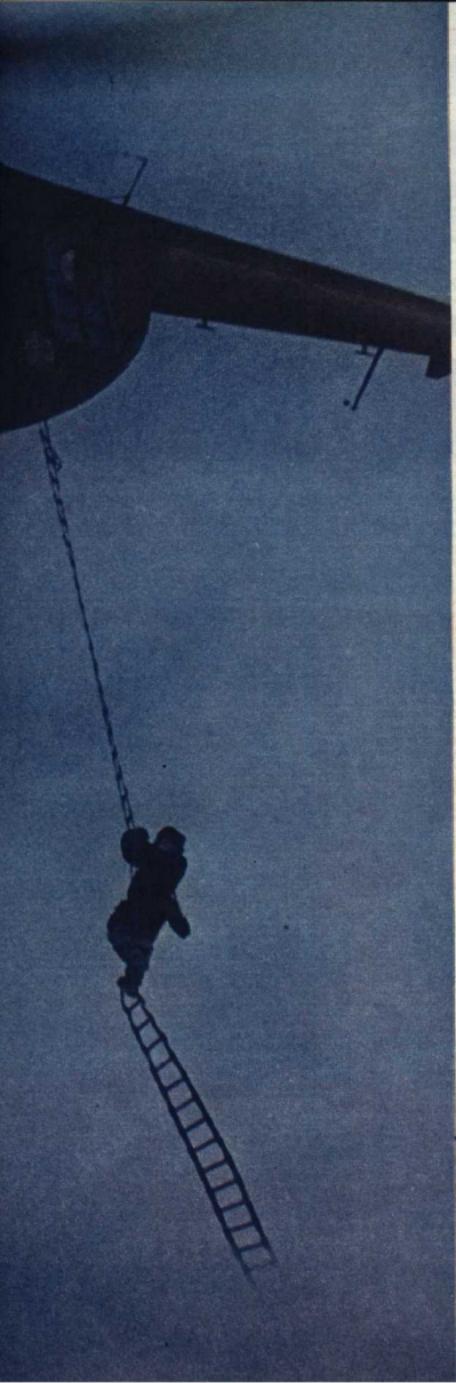
— в ведущих у нас ничего не случается, говорят в Волода... Разве что иногда ветер антенны порвет. Единственный раз в жизни он летел он в Арктике. К арктической эпохе относится скептически.

— На вездеходе МИ-18+, и

через восемь часов — Тикси. Право же, теперь у нас самая что ни на есть

обмыкновенная Арктика.

В распахнутую дверцу вертолета врывается многоголосый визг пурги. Тоненькая лента штурмата повисает над горосами, и бортхирург подхватывает ледяной летер...

Самый молодой штурман полярной авиации Анатолий Савоскин.

Сейчас в научниках застучат морозилка, и Володя Ломашко передаст в Тикси данные о погоде: скорость и направление ветра, количество осадков, состояние льда.

Очередной вызов — и врач Юрий Каримов летит, несмотря на пургу, на дальнюю зимовку.

Десятки километров по льду залива прошла упряжка без отдыха. Тяжело-Больная женщина вовремя доставлена в больницу.

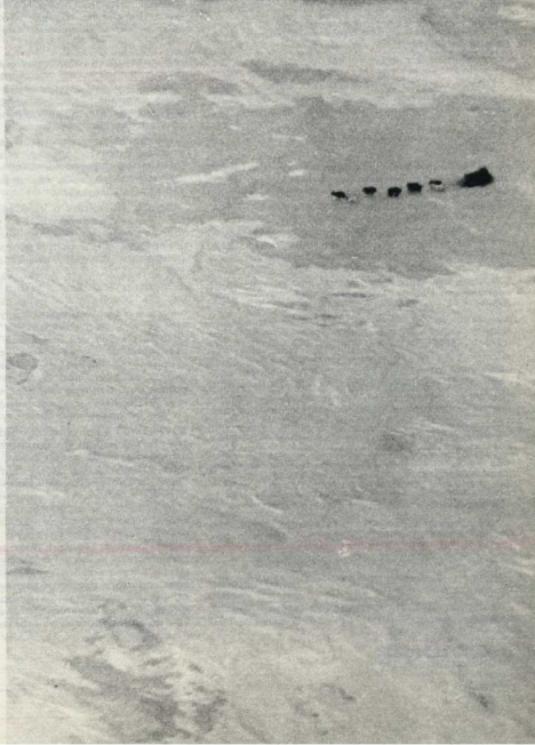

Рисунок
О. ВУКОЛОВА

РАДИСТ НЕ ОТВЕЧАЕТ

— Б

оно мой! — запричитал вахтер у портовых ворот. — Уничтожены, разбрасывайтесь в вокзали! «Грань» отходит через три часа, а вы весь проход транспорту закрыли. Нельзя здесь!

А наши все подходили и подходили, тесно уставляя портовые подстыки чехомоданами с авиационными ярлычками и кошельками с ливом. В плюточках, шляпках, русые, золотые, черные. Тоненькие, в брючках, и пышные, вроде жены механика Флоры... Ветер крепчал, розовая бухта по-дергивалась, серо-голубым.

На кончике языка было очень... холодно, — сказала Флора. — Ребята, кутите, погоди.

— Пройдите! — завопил вахтер.

— Да мы на «Полетава», рейдовый катер ждем!

Освободившись от чехомоданов, женщины приступили к первоغرомам. Вахтер ошеломлен скотнул на нас: размеры нашествия сбивали его с толку.

— Что же, все на «Полетаву»?

— Все! Все!

Знобило, напряжение перехватывало через край. Выходившие из порта моряки с ульбкой смотрели на нас. Надо было видеть эти ульбки! И вдруг я поняла то, что произошло вчера. Я долго стояла на волноломе и смотрела в Цемесскую бухту. «Федор Полетавев» задернулся, было грустно в чужом городе. Когда я спрыгнула с волнолома, ко мне подбежала запыхавшаяся паренек в звездочках. — Погоди, — сказала он, — я вот хочу спросить, только честно. Ладно? Ты что делала на волноломе? Ребята послушали: говорят, смотрела скептически, ждут нас дома... «Назад... — повторила я, — наверное, какая-нибудь береговая инспекция». «Нет, правда, — с тоской покачала головой он, — от этого многое зависит. Просто морем любовались, да?»

«Конечно!» «Ну, спасибо! — Он быстро взбежал по галечному откосу и кинулся с невеселой развязностью: — Я выиграл битву шампанского! Я так и говорил: стоит и смотри! А они спорят — из моря ждет кого-то. Романтика все это, выдумки. Верно? Почему я не сказала тогда ему, что жду «Полетава»? Почему я сразу не поняла, как он хотел промиграт?

— Кого, красивые, ждете? — кричали нам моряки.

— «Полетава»! — многоголосо и тонко перекатывалось по ридам.

С утра в морской вокзал входили женщины, принарядженные и припудренные, усталые с дроги.

— Вы как, пароходом? А мы самолетом...

— Где он? — вновь прибывшие бросались к окну, откуда был виден рейд.

— Не пришел. На шестнадцать только вызвал властей, значит, нам не раньше девятнадцати...

Они сразу увидели его на рейде, почти невидимого и неотличимого от собратьев.

— Он! — единственным вздохом прокликнулось по залу. И последние часы стали невыносимыми.

А потом наш катер тыкался носом под исполнительный бок танкера. И мужчины ссыпались с борта, а женщины щурнули влажнющие глаза: танкер полгода не был дома.

Мышь, как пообстреливалась, бедненький «Полетава»! — скончалась Флора.

Но катер на стон стоял, а власти все не открывали граници. Наконец, таможенники сдались. Мужчины сбегали на трапы и хватали в охапку уставших детей, и женщины, тихо смеясь, просили:

— Смотри не раздави!

Я осталась в опустевшем катере. Мне нужно было к капитану, но среди одесских было сероглазые женщины в красном вязаном шарфике — жена капитана. Завтра клинет на танкер берегового начальства: диспетчеры, наставники. Пусть хоть этот вечер будет ее.

Танкер раздавил меня на рейде. Море было в огнях, в горах прятались в ночи. Горы и бухты были как за тысячу миль — тогда на Чукотке, в бухте Провидения, где я впервые услыхала о капитане «Полетавава».

Я хотела написать о капитане «Куббассе» Игоре Васильевиче Башмакове. Бесястрийский «коп», воторому море спускает с рук все, что никогда не пройдет у других. Море звонко с бывальшими капитанами. А может, они звонко с морем.

Я хотела написать о том, как мучительно ждет их Чукотка — в слепые туманы и бешенные шторы; как свирепы мурлы льдами у мыса Билингса и как они вырывались из-под них из лап, так что их упросто увековечили где-то в морском руководстве. И как Башмаков подходит к самым чукотским поселкам и как ускользает от берега на неуволимые извилины дна. И где-нибудь взвирнет по шкодливой обезьянке Читу родом из Сингапура или Бомбэя или про чистеньки Роттердам, что запомнился своим скопившимися беспокойством капитану.

И ничего не получалось, потому что капитаны — это особый народ. И надо, наверное, самому быть капитаном, чтобы поговорить о них. Одиночество, ощущение всего мира, монотония смертельной борьбы с океаном, и еще миллионы других вещей создают эти циничных романтиков со сбивавшими глазами и всеплоняющими глазами. И как они держатся друг за друга, как помнят имена своих бывальных коллег! Мне хотелось узнать подробности о рейсе «Куббасса» на Чукотку, а Башмаков рассказывал о капитане «Полетававе» Станкове, с которым плывал когда-то на танкере «Сахалин». Рассказывая им историю поразила меня. Иначе и не катьсяте б мне этой простудной ночью в Новороссийской бухте, не ожидать, не-

терпеливо и настырно, встречи с незнакомым мне капитаном.

В Батуми лия холодный дождь. Все было черненькое и морт, и город, и рейд. Домы и глубине души Станковы. Стаканы с водкой, битком. Катер мыкался от борта к борту. Овцы сдали, Севастополь в осаде. Туапсе истерян бомбами. Батуми вспоминался в Батуми и Поти. Танкеры неизуемые ворочались среди эсминцев и торпедных катеров.

— Ну хряло спросил зеленым от бессонницы подполковник.

— Ну вот, видишь, опять ущел. Значит, счастливый.

Флор Яковлевич инвалид.

— Отец твой, говоришь, дыланом был? Ох, и намучил ты нас своим происхождением! А что мы с тобой, сестра, должны посыпать, когда А ты как-никак был военным...

Он отхлебнул холодного чаю и посмотрел на Станкова.

— Что же на рейде творится, видя? Адмирал жалуется на танкеры, мы поперек горла. Сегодня опять был налет. Толчей, безобразие. Уходить надо?

— «Куда уходить? — подумал Станков. — Что я говорю?»

Лопаткины еще мыли от разрывов. Ох, и бомбили их в эту ночь!

Э, да ты устал. Ну, иди, завтра тебе все снанье.

Станков перевалил старпомом на «Сахалин», тяжелый по тем временам танкер. Готовились что-то серьезное.

Самые новые корабли сорон второго года из Батуми вышли, затянувшись кардами, ледовыми «Минко» и танкеры «Сахалин», «Туапсе», «Осандин». Их сопровождал военный конвой под флагом контракторского флага.

Притес Стаканы, узкая узкая, изогнутая Стаканова капитан Придо Адамович Померанц, эсмонтом по национальности.

— А пока мы им проплатим турецкую базу.

Босфора приодели содержимое танков и письменно заверили турецкие власти, что возвращаются на некий морт море. Вокруг корабль консультский капитан надеялся на лучшее. Толчей, любопытствующие рыбаки — небось, тоже на метле — неизуемые шиноплавы. Но требование турок танкеры сделали один шаг вперед. Их привезли в гостиницу, и уж совсем стало не по себе, ноги, громыхаясь с умерками, ушли на восток конвоя.

Капитан вылезал и сел Станков:

— Ну теперь я могу поговорить с капитаном карты — путем прорываться на Кипр, в Флориду. Путут поставить прототуки, — не утификации, если что путят струи.

Вместе с продовольствием привезли тщательно упакованные тюки с досками, краской, пеком. Вечером капитан дал Стаканову фотографии турецкого сухогруза «Иннихан». Нужно было замакутировать, чтобы не засунуть в турецкую базу.

— А как же трубы? — ахнул Стаканов. У сухогруза-то она посередине, а у нас как-нанакане...

— Трубы скрывают, а трубу стелай! — усмехнулся капитан.

Шутка сказать — сразу на виду в усах труб — поставить новую! А немецкий капитан там и вораграми трубой в лицо. Вокруг консультский капитан поиздевался, турецкий капитан — Золлингеман придиричиво кивнул.

— Чиф, скоро будет дипломатическая почта,

пожалуйста, прините ее и снесите поскорее в свою науку.

Дипломатическая почта выглядела странно:

морская энциклопедия, где на «к» — все известные капитаны, на «л» — погибшие всех портов, на «п» — причины разных широт и так до бесконечности, только спросите. И спрашивают: капитан-наставник про какие-то уничтоженные английские карты, диспетчер — про новые ориентиры на трассе в Бразилию. Отдел кадров, со своей стороны, просит у Станкова старпома — в капитаны и второго механика — на приемку нового капитана. Если что Станков не по душе, он сердито-умолкли, «второго на приемку? Старпома, да и б на эту первую послал показать — очень рискованное дело». И это моя подпись... Про старпома же сказали: «Охана! Хороший был старпом и добрый будет капитан».

Станков вызывающе разор пиророй, но, покашав, всегда спрятавши. Я вспоминаю, как возмущали его бюрократические придики: «Люс подпись действительны в всех банках мира, а у нас вердо краски получить — то только с судовой пачетами». Или: «Позвольте мне самому знать, какие лучше вести судовые журналы». Взывал и комме: «Вот вы посторонний человек, рассудите, Станок у нас дорогой прибор — локомотив. Стонт для того, чтобы в любой момент определить положение судна. Установите, каким там начальством трасса, широта, глубина, расстояние по таблицам. А знаете, сколько это времени и бумаги? Зачем же, спрашивается, тогда прибор?». И я, конечно, возмутился вместе с капитаном. Ведь когда на море тяжелые штормы, судно спасают не инструкции, его спасают опытность и воля капитана.

Станков многие считают чудаком. Дерется и дерется человек всю жизнь. А уж так получилось, что ему, сыну дядечки, в один лет пришелось драться — за право учиться, плавать, командаовать кораблем. «Я в корочке родился!» — поспешил сказать капитан. Ницо не пустило его на дно: ни дюйма не растянулся, ни шага не отступил.

В начале войны его направили в Капитанский на маленький танкернико «Стахновец». Пять месяцев под носом у немцев туда-сюда. Старый тихоход в поединках с овершерзами «королевских».

— Ну, они-то рассчитывали, что у танкера ход узлов десять! — двенадцать, а у нашего «Стахновца» паренный был шесть! — вспоминает Станков. — Бомбы и разрывы прямо по носу...

Нина Александровна, жена капитана, и сейчас прикрывает ладонью глаза:

— Каждый раз провожу и не знаю, вернется ли...

На них и смотрели, как на смертников. И каждое их возвращение было в общем-то чудом. А потом Федор Яковлевич ушел на «Сахалин», и было молчание — долгие-долгие месяцы.

Погиб «Фанесов», погиб «Тулес». Израненный, где-то бродил «Минюн». Подводная лодка, торпедировавшая танкернико, погибла. Примчались в Бузнос-Айрес. Как только появились из Африки корабли, начались жестокие штормы. Танкеры черпали корабль, как кружево.

— Танкеры разбивались, — жаловалась Петро Янчики. — Когда пришли в Аргентину, очмы саживали на мертвцев — «Летучий голландец» — и саживали на живых — «Фанесов». Масла в трип загрузили тонн триста подаренных. Танк были коми, медикаментами, щерстя — дармы из портфеля, погрузки, спрятаны в каюты, разились домой. На всякий случай взяли лошади — если идти Магеллановым проливом. А во-обратном пути — и вьсы горя, проплыли всегда чреваты неизвестностью. Состав танкера расскажет. Но выше стоял Станков. Вдруг он заметил в тумане силуэт, поклоне. Что Большой сухогруз. Но туман был густой, и Станков не мог определить скорость у него было вдвое больше. Станков обвязал тревогу. А вскоре сухогруз обнаружил береговую пушку аргентинской базы «Сахалин» под защиту берега.

Я знаю, — сказала Есения, — это неизвестный ядер, но думаю, что сейчас водам охотятся. Сколько си-дов потопил, ох! — Есения! — сказала она, у выхода из Магелланова пролива буде ждуть. Облегчил мыс Горио, — сказала Есения. — Шестсот километров краялся «Сахалин» по извилистым патагонским широтам, кропясь в расщепах между скалами, разрываясь на куски, всплывая, ступающие в море склоны. Это были дичайшие мечты науки, науки и карты. Нельзя было точно сказать, сколько метров на склонах, сколько воды — метром, метр или... Недели сменились неделами. Иногда сходили на пыстинный берег, ловили пасущихся овец. Хозяин на видном месте

оставляли шкуру и горсточку песка. От патагонских широк оставалась одна страшная мышь до Бальчака, там можно было скрыться для окончательного покоя. Но впереди лежало море. Иденхарброр танкер потряс страшный удар. Судно метнулось вправо, потом влево, нам стrelка изогнулась. Так он и лежал, танкер сидел на «сахарной голове», пока не панцирь не сломал под водой. Вскоре пошли по волнам масляные круги-природы. Команду охватило отчаяние. Станков спустился в каюту, чтобы не погибнуть, но он маком отправился в Иденхарброр — искать водолазов. Конечно, мало было надежды на иного выжившего. Но вдруг... Вертисьши в воде, Станков согласился неожиданно легко и задешево. Вернувшись на танкер, Станков долго не мог найти капитана. И вдруг... Несколько минут спустя капитанской каюты, он увидел, что Прано Адриана лежит на койке, накрив голову подушкой. Впереди этого сумасшедшего рейса капитан изменила выдержка.

Пробоны оказались серебристыми. Станков крутился как белка в колесе. Надо было сорвать судно с койки, вытащить из воды, отнести в борт: дома- голова. Потом опорожнившиеся танки таившие наутилусами. Изыскодавали ящиков патагонии. Станков сидел в каюту. И вдруг... Определенно Станков родился в сорока.

В Сан-Франциско танкер встретил советский конвой. Погибло четыре корабля из этого конвоя. Запалко прославился. Поднявши гранату на морское направление похода. Через Алеутские острова. Петропавловск-Камчатский они пришли в Алеутские острова. И спустя месяц поспешили в Алеутские острова.

Там узнали о судбе «Минюна». Он прорвался к берегам Алеутских островов, оттуда ушел по Северному пути в Амбарчину обслуживая артиллерийский корабль.

Через пару месяцев после прорыва «Минюна» пропал в Амбарчине, называемый в честь погибшего «Фанесов». А Станков стал капитаном «Сахалина». Проплавав на нем четырнадцать лет. Алюминиевый корабль, который не ржавеет, и не любит менять адрес. После «Сахалина» он капитаном семь лет на «Хитомите» и плавал на нем. Судно ушло, не послали на приемку «Федора Полетаева». «Брюслин» Федора на «Федора», — шутит капитан.

Шумный капитанский застолье. То дело подъезжает гости с берега «внимание», — разносится голос капитана из ватхенного, — к борту судна подходит капитан... Танкер остановлен на аконе, одуряще пахнут бразильские апельсины, и кажется, что за капитаном — тропики.

— Как шли через экватор, в Нептуном бил, — рассказывает старпом, — всех до ниточки из шлангов окатили...

— А Сайдлер не узнат, — говорит капитан диспетчеру, — огромный принал отгрохи, да и все изменилось! Я бы сунулся ногой: думал, как-нибудь проскользну. Смотри: маяков знакомых нет, горят неизвестные огни. Ну, я обратным ходом и да рассвете подождал...

Они говорят обо всем мире, он блокод и ощущают опасность, потому что связь самых понятных — корабль. Тот, кто саживал погрузки, спрятал из-за новой стартины. Кап в хорошем сеймейном доне — сплошной и шумной. Судно не могло забыть фразу, временную капитаном: «Трах — и лопнули в рясе прямые цилиндры — тарак и потеки на электропроводку. Не понимаю, как не началась пожар».

Выходит в море маленькая страна весом в сорок тонн, в шестьдесят три человеческих жизней. Ее судьба в руках капитана. Да, что ни говори, капитаны — особый народ...

На палубе прохладно. Ночь. Залипый светом танкатор чуть-чуть покачивается на волне. Вон там, в темноте, — Малая земля, известная всем миру, мир капитана, напитанный кровью. Каждый корабль, приходящий в Новороссийск, проходит мимо Малой земли, мимо белой плиты, скорбно уходящей в небо. На плиты надпись: «На этих рубежах в феврале 1943 года высадился десант моряков Черноморского флота и воинов Северо-Кавказского фронта. 225 дней в окресточных боях героникисты моряки и солдаты отстановили плацдарм, названный десантниками Малая земля...». Февраль 1943 года. Станков становится капитаном чудом уцелевшего «Сахалина». А здесь горят звезды, горят моря — освободили порт Новороссийск. Из ста десантников, до берега добираются трое-четверо. А из моря все накатываются и накатываются новые волны моряков...

Я исходила вдоль и поперец эту легендарную землю, до сих пор изуродованную окопами и воронками, семь километров по фронту, три — в глубину. Отчаянно браштанный прорыв «Сахалина», стоявшим на морском десантниками Кунинским, краевые подступы к Новороссийску — все это было в душе острой, торжественной боли. Тогда, на танкере, вглядываясь в очертания Малой земли, я поняла, почему люди на нашей земле так легко становятся героями...

т. Новороссийск.

Важкое рекорды не регистрируются. Это известно наизусть. И тем не менее мы поведем разговор о конькебом рекорде.

Любители спорта, несомненно, помнят этого высокого художественного хоккеиста. Впрочем, он и теперь не забыт. Так что у меня в качестве судьи, очевидно, медицинским, но в любое секунду был готов «взорваться», врезаться в гущу защитников, лишь бы предоставилась возможность взять ворота. Таким остался в памяти любителей хоккея Алексей Гурьша, обладавший прекрасной игровой интуицией, умением предвидеть ход борьбы. Нельзя забыть и знаменитый гурьевский «щелчок» — тот самый, который так часто зажигал красный свет над воротами соперников.

На этом великолепно отработанном уровне основывалась тактика одной из лучших в прошлом троек нападающих в истории хоккея — Михаила Бычкова, Алексея Гурьшича и Николая Хлыстова. Стремительные проходы по флангам Хлыстова и Бычкова, точные передачи в центр — на «платачики» — и «щелчки». Все, казалось бы, очень просто. Но как сложно было приспособиться к этим молниеносным атакам!

Гурьевша выступал в большом хоккее четырнадцать сезонов, неизменно защищая цвета московской команды «Крылья Советов». Уже в год своего дебюта — в сезоне 1947/48 годов Гурьевша в матче с «Динамо» забил три гола. Еще трижды в сезонах 1954/55, 1956/57 и 1957/58 годов Алексей является самыменным бомбардиром. Наиболее «турнирным» стал для Гурьевшича чемпионат СССР 1954/55 года, когда он провел в воротах соперников 41 шайбу.

Итак, — сказала Есения, — седьмой сезонов! 37 шайб забил Алексей Гурьевша за это время в матчах на первенство страны. Это пока что рекорд нашего хоккея...

Любителей спорта, конечно, интересует: будет ли любит рекорд Алексея Гурьевшича, и кто из нынешних хоккеистов может превзойти его достижение?

Пока лишь один Гурьевша сумел преодолеть «брюх трехстороннего голя». Ближайший «конкуриент» отстает от него на 126 шайб. Это Вениамин Александров, сильнейший форвард сборной страны команды ЦСКА.

Стань пребывания Александрова в «большом хоккее» — 10 лет. За это время он забил 233 шайбы. В среднем по одному чемпионату Александров забывает не меньше Гурьевшича. Это и понятно. Не зря же наша звезда хоккея команды почти все шестьдесят минут чистого игрового времени проводит одним составом и возможностью забить гол было гораздо больше. Ныне команды играют теми тройками нападающих. Слабых соперников почти не стало, двузначные результаты теперь редко встречаются в турнирной таблице.

ПОБЬЕТ «РЕКОРД» ГУРЫШЕВА?

ФОТО А. БУРДУКОВА и А. БОЧИНИНА

И тем не менее Александров в состоянии побить рекорд Гурышева! Ему сейчас 28 лет. Этот необыкновенно технический хоккеист способен играть в меньшей мере еще 6–7 сезонов. Результативность Александрова в последние годы значительно превышает среднюю результативность Гурышева. 118 голов забит за четыре последних чемпионата. Вениамины Александров, то есть в среднем почти по 35 голов за сезон [в турнире 1962/63 года он установил своеобразный рекорд: 53 шайбы; этого не удавалось сделать ни одному из наших хоккеистов].

Следовательно, в течение трех ближайших чемпионатов Александров может догнать Гурышева, а затем превзойти гурышевский рекорд. Это, разумеется, прогноз, однако он основан на реальных статистических данных.

А кто еще способен на такой подвиг? Вряд ли это удастся великоколеп-

ному форварду 33-летнему Константину Локтеву. Не по силам это, видимо, Владимиру Киселеву, Евгению Грошеву, Виталию Станку, Юрию Парапащину, Станиславу Петухову, Виктору Цымлякову, заслуженному мастеру спорта СССР Никите Быковскому и другим лучшим советским снайперам. А вот Вячеслав Старшинов, Александр Альметов и Борис Майоров могут попробовать потягаться с гурышевским рекордом.

Впереди у каждого из них примерно десятка лет выступлений на ледяной площадке. В последние годы по числу забитых шайб они лишь немногим уступают Альметову. Вот, например, данные четырех последних чемпионатов: Альметов — забия 119 шайб, Старшинов — 111, Б. Майоров — 100.

Пусть время станет судьей в заключительном споре бомбардиров советского хоккея.

Таким запомнили Алексея Гурышева любители хоккея, теперь он стал одним из лучших судей.

А на нижних снимках вы видите двух претендентов на рекорд Гурышева — Венiamину Александров и Вячеслава Старшинова.

«Крепкий актер?»

«ПОТОЛОК» РЕЖИССЕРА —

«ПОТОЛОК» ТЕАТРА

ЗРЕЛОСТЬ РЕМЕСЛЕННИКА

Они приходят на сцены сотен театров страны — из столичных студий, периферийных театральных училищ, самодельных драмкружков. Их имена то и дело вспыхивают звездами разной величины на разных театральных небосклонов. От них ждут многое, и много надежд возлагается на них — с ними должен прийти в театр молодой человек нашего времени, они должны прнести на сцену дух и искания современности. В сотнях зрительных залов сидят их сверстники, еще не привыкшие удовлетворять все свои духовные потребности с помощью телевизора; большая часть зрителей — молодежь.

ЕГО ПОГУБИЛА ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мне рассказывали, как началась эта парень. Молодой, красивый, обаятельный, он был преподавателем физики и играл в самодельном театре — и это было вспоминать звездами разной величины на разных театральных небосклонов. От них ждут многое, и много надежд возлагается на них — с ними должен прийти в театр молодой человек нашего времени, они должны прнести на сцену дух и искания современности. В сотнях зрительных залов сидят их сверстники, еще не привыкшие удовлетворять все свои духовные потребности с помощью телевизора; большая часть зрителей — молодежь.

А главный режиссер строил театр, который он любил называть генико-романтическим. Театр, в котором внешняя патетика и декоративность обрамляли спектакль вытесняли жизнь человеческого духа.

Актер стоял неподвижным, любым. Ему аплодировали зрители, его хвалили критики и местной и столичной прессе. Главный режиссер перешел в другой театр, потом в третий. Актер следил за ним. Недавно я снова видел его на сцене.

Он играл гусара эпохи войны 1812 года. Мундир прекрасно сидел, улыбка была ослепительной, фигурастройной. Ему по-прежнему аплодировали, и кто-то из поклонниц начала сточить ему фото с рекламного стендса на фасаде театра. А «искра боязь» потухла. Остались красные позы, тщательно промодулированные интонации, ощущение даже с последнего ряда балкона желание иметь успех и неотразимая уверенность в том, что он успеха достоин.

Этапы этого печального пути можно проследить сегодня в сотнях актерских судов.

...Одни из персонажей пьесы — штурман реактивного лайера. Он очень любит Сент-Экзюпери, у него профессиональная и духовная близость с этим писателем и человеком. Режиссер спрашивает актера, почему он играет эту роль, читал ли он Сент-Экзюпери. «Нет». «Прочтите».

...Актер играет честного, умного и искреннего современного парня. На сцене из всех этих качеств остается только молодость, все остальное заменено дешевыми комедийными мимиками. Так понял образ режиссера. Где сам актер, где его собственный мнение о том, кого он играет? Незвестно.

А в следующий вечер в другом спектакле другого режиссера он поражает точностью характера (кстати, характера не нашего времени) и благородной серьезностью исполнения.

Можно продолжать до бесконечности эти зарисовки с натуры, эту повесть о том, как приходит в театр молодой человек и через несколько лет становится «крепким актером». А что такое «крепкий актер»? У него репутация, у него опыт. Его можно спрошить вспомнил — с одной репетиции, и он ничего не напортит. Он играет много, но сохраняет видимость разнообразия даже в однотипных ролях. В перспективе ему обещают почетное звание.

Как превращается в «крепкого актера» молодой человек, приходящий в театр? Да почти так же, как тот, с судьбы которого началась эта глава. Роли, очень много ролей: периферийный театр выпускает 10—12

премьер в год, и молодому актеру почти в каждой находится роль. Георгий Товстоногов сказал как-то, что не смог бы создать полноценный завершенный спектакль за месяц. Сегодня на периферии режиссеры, в том числе и не обладающие его талантом, сплошь и рядом выпускают не может быть и говорить актера! становится как раз такие задачи, которые он может освоить в этом срочке, то есть легкие, мелкие; некогда играть роль в глубину, исследовать характер — это даже вредно, потому что на серьеzuность нет времени, и спектакль должен иметь вид завершенного. Он и имеет этот вид — за счет поверхности и прочтения.

К этому нужно приблизиться еще и то, что роли, которые происходят играть молодым актерам периферийных театров, еще часто, слишком часто не принадлежат к высшим достижениям драматургического искусства. В течение ряда лет наблюдается весьма интересное явление — первые места по количеству спектаклей упорно держат пьесы, которые в театрах Москвы или Ленинграда не идут (а если идут, то подвергаются жестокому, но справедливому критическому обстреливанию). Первые места они занимают за счет периферии.

И творческое отношение к искусству в самом начале подменяется отношением ремесленника. Создается и незаметно укрепляется опущение, что делать искусство — это очень легко и просто: поиграть на не-посредственности или, (смотря по обстоятельствам) проглатывая дрожь — голосе — и образ молодого современника готов. И можно уже недоуменно спросить: «Зачем?», когда тебе предлагают прочесть Сент-Экзюпери — дело ведь не только в том, что парень, задавший этот вопрос, разумеется, ни к чему в искусстве уже не пригоден, сколько в том, что при существующих положениях вещей он и дальше будет работать (точнее, служить) в театре и получать роли, даже такие, для которых по-

требуется нечто большее, чем знакомство с Сент-Экзюпери. И будет играть эти роли и получать похвалы за повышение ставки, и поклонники будут аплодировать и выраживать это фальшиво.

Можно, конечно, преодолеть все это — давать четыре репетиции на спектакль, плохую режиссуру и плохую драматургию. Но этого не удается.

Чтобы преодолеть, нужен большой талант, огромная рабочая способность и сопротивляемость всему ремесленнику. Нужно, чтобы занимало все — больших талантов всегда мало. А просто талантливых малых людей, как говорится, засыпает среди. Инновантий Смоктуновский прошел через поддескета периферийных театров (в том числе и через тот, в котором начинал работать молодой учитель физики) и стал Смоктуновским. А когда стал, написал в ответе на один из вопросов анкеты, что сопричастен искусству актера: «Думаю, что актер, каким бы был талантлив он ни был, все равно играет по образу и подобию труппы. Ее поток — это и его поток, масштаб мышления ее руководителя — это и его масштаб». Сейчас театр так организован, что любые, самые талантливые актеры обязаны приспособиться к режиссеру, даже если этот режиссер посредственен».

Следует, пожалуйста, руководителям труппы очень часто выражаться сегодня в том, что этот руководитель подряд хвалит молодого артиста — и за удачные и за провальные роли: «ты молодец — не потерял уверенности в себе». Но если увидеть этот руководитель, не о молодежи он забочится, а о собственном спокойствии, то похвала-то всегда выслушивается охотно и всегда запоминается; а потом молодая актриса, только что с губкой-пакетом на голове, встает на обсуждение спектакля, где ее за этот наխмок покривлялась, и, изобразив на лице наивность, говорит, что вот в газете ее похваливали и на сдаче спектакля тоже, и она просто не понимает, что же ей теперь делать, и тут же наивность исчезает, а остается азартом.

Каждый год зрители и критики с радостью отмечают десятки удачных дебютов — это молодежь входит в искусство. Ее возраст — 22—25 лет. А потом они взрослеют, обретают положение и вес в труппе, играют большие роли... а мы убеждаемся, что среди 30—35-летних большинство составляют «крепкие актеры». Творчество, горение, острая потребность рассказывать о времени и о себе остаются где-то там, позади. Вместо зрелости художника — зрелость ремесленника.

Так бывает не всегда. Но бывает, и настолько часто, что нужно говорить об этом всерьез. Трэвис оценивает реальное положение вещей, поскольку реальное творческое богатство, которым мы располагаем сегодня, а то и спустя годы, в областном театре, это вот такой спектакль, у нас не хватает. Мы можем ориентироваться при этом на лучшие московские театры. «Не хуже, чем в Москве» — это критерий «среднего», «благополучного» уровня театра. Утверждение этого критерия во многом способствует «крепким актерам», выраставшим из молодых людей, идущих в театр по любви и привычке; сегодня слишком часто случается, что эта любовь губит их как художников.

Замечают ли они это сами? Когда как. Трудно заметить, если тебе

выполнил, если ты и сам видишь, что получается — не хуже, чем у других! — даже когда вдруг кто-то портает, есть сильный соблазн объяснять это личными счёты или предвзятым отношением. И все-таки замечают: гораздо чаще, чем, скажем, два-три года назад, приходит встречать актеров, испытывающих подлинную творческую неудовлетворимость — не оттого, что тебе не дали роль, на которую ты рассчитывал, а оттого, что и эти другие роли не дают тебе что-либо.

А когда замечают, задают вопросы, на которые — трудно отвечать... Премьера в областном театре института — играет главную роль, — комсортной стройки! Драматург и режиссер настойчиво стремятся подать ее как образец настоящего герояна нашего времени, но ничего не получается: слишком уж она примитивна, слишком убога ее представления о людях и жизни. Все сводится к мелодраматическим эффектам. Актриса пытается быть искренней, пытается поверить своей героине, в какие-то моменты ей это удается — она действительно талантлива, но в конечном счете роль берет свое. А потом мы разговариваем после премьеры, и мне не приходится ничего объяснять, она сама говорит, что не получается, даже то, что нужно уходить из этого театра, чтобы жить... Всегда хотят, чтобы было удачно в Москве... И соглашаются: хорошо, если бы удачно в Москве, а она спрашивает, что и как играет московская театральная молодежь, я отвечаю, и постепенно высыпываются достаточно настороживающая картина...

НАЧАЛО И ПРОДОЛЖЕНИЕ

Итак, молодой актер поступает в один из театров Москвы. Впрочем, здесь самое время отказаться от образов обобщенно-себярятных (хотя все, о ком здесь говорится, было написано, — люди вполне конкретные) и перейти к определенным творческим биографиям. Несколько лет назад Эдуард Марцевич по окончании студии был принят в театр имени Маяковского и дебютировал в роли Глеба в спектакле «Смерть поэта» с его же школьной смыслом. Николай Охлопков доверил вчерашнему студенту критика объективно и доброжелательно одну из сложнейших ролей работы автора — чего же более для началь?

Следующая роль — Сергей Серегин в «Иркутской истории». Снова удача, хотя критики, отмечая искренность, поэтичность и одухотворенность образа, говорили, что в роли не оказалось биографии поколения, интеллектуального и духовного опыта молодого человека нашего времени. Самому актеру трудно, разумеется, перейти от конкретных наблюдений над собой и своим поколением к общению, это должен был сделать режиссер. Но так или иначе — интересная роль в интересеском спектакле.

А потом Марцевич играл не очень интересные роли в не очень интересных спектаклях. Он не переставал говорить и писать.

Только о нем? Светлана Мизеря из того же театра — Валька в том же спектакле. Алла Константинова, принятая в театр имени Станиславского и дебютировавшая в «Чайке»... Список можно продолжить.

Программа, возникшая за этим списком, имеет смысл: «отношение к реальности и к молодому артисту». Ее варианты почти столь же, сколько и режиссеров, и исследовать все невозможно. Но некоторые закономерности существуют и здесь.

Вариант первого — драматическая экспозиция режиссера... Ну, скажем, Георгий Товстоногов в «Бородинском артисте», ли, скажем, Сергею Юркову. Талантливый, особых азартов не имеющий актер, с прекрасными комическими данными, играет Чайковского в «Окнах», Чайко в «Горе от ума», Тузенбаха в «Трех сестрах». Играет блестяще. Прошел режиссер мимо его блестящих и глубоких данных комедийного актера? Да, прошел — прошел дальние и глубже и обнаружил современность эмоциональной природы актера (как пригодилась она Товстоногову для его замысла «Горы от ума»), неожиданность и обостренное сознание гражданской миссии актера. Нет, не прошел, только использовал ее несознательно. Помимо... Георгий Юрьевский в бреховистой «Капризе», Узя, конечно, смешной, но образ восторга на потребление переполнен смененного и страшного.

Вариант второго — драматическая экспозиция без проникновения в спектакль. Из последнего примера придется чуть расширить возрастные рамки — Юлия Борисова немного старше героя этой статьи, совсем немолодая. Ее Настасья Филипповна в «Идиоте» и Валька в «Иркутской истории» были событиями в театральной жизни Москвы, они становились популярной, любимой — показывали современная лирическая актриса. А потом эта современная лирическая актриса стала играть, — и вдруг — как высокого пошиба комедийных, которым ее предшествовала славная отечественная рекламой, а потом и Валентина Постникова, поставила комедию специально для нее (хотя как вспомнишь ее вспомнишь) — и лирическая актриса потерялась в этих комедийных и смешных и лягушковеских зрачках. Найдется ли кто-нибудь? И не слишком ли поздно будет?

Но здесь тоже всплеще все благополучно. Актер много работает, играет больше ролей, есть хотя бы изложены внимания. Вызывают случаи более печальные, вот как с Марцевичем, например. Это тоже один из вариантов — актера берут на роль, а потом забывают. Забывают об ответственности за его судьбу, ответственности творческой и честной, о том, что, приглашая актера в театр, хорошо бы помнить, что ему не только практическую пользу театр, но и творческую перспективу актера. Обично в оправдание: актер не добился успеха, судьба коллектива важнее судьбы актера (творческой единицы), но в том-то и парадокс, что там, где забывают единицей, судьба коллектива тоже выглядит не блестящей: биография Марцевича и других талантливых молодых актеров театра имени Маяковского — Мизеря, Охлупина — находится в первоначальном соотнесении с нынешними спектакльными театрами.

А в основе этого отношения опять-таки отказ от проникновения в сущность актера: типажный подход. Внешне Марцевич похож на «столбового героя» — так его и используют, иногда с уклоном в легкую комедийность. А когда и увидел его не на сцене, а в библиотеке, то с трудом узнал — настолько серьезнее своих героев он выглядел.

И все-таки это еще не самое худшее, что может ожидать молодого актера. Все-таки удачный дебют дает известность (если тоже нужна), и при некоторой настойчивости можно попытаться, руководителем театра обратить на себя внимание, могут также привлечь к кино на интересную роль. Самые печальные и самый распространенный вариант — это когда актер берут в театр по принципу, позитивизму из записей Ильфа: «Нам такие нужны. Он знает арифметику. Он нам нужен». Под знанием арифметики подразумевается молодость, профессиональное образование и хорошие внешние данные. Больше ничего не подразумевается — молодого актера берут в театр в надежде, что он еще пригодится. Иногда ему обещают что-нибудь туманное, а иногда, если театр очень уж мастерит и заслуженный, и вовсе ничего не обещают, считая, что работать в таком знаменитом театре — это большая честь, даже если работы нет. Впрочем, что-то случается — актера вводят на небольшие роли в старые спектакли, дают эпизоды в новых (привозят, что нет маленьких ролей), а если маленькие актеры, и зарплату свою он честно отрабатывает, участвуя в массовках чуть ли не каждый вечер.

Здесь придется обойтись без фамилий. Просто существуют во многих московских театрах признаки после института молодые актеры, которые за три — пять лет работы практически ничего сериозного ни сделали. А брали их именно за то, что они считались самыми способными из своего выпуска. Вероятно, они и были самыми способными, только из них судьбы эти почему-то никак не отразились.

И опять-таки есть соответствие между теми, несостоявшимися биографиями и состоянием режиссеров в их театрах. И о сегодняшней молодежи, например, МХАТа нельзя сказать ничего утешительного, потому что ничего утешительного нельзя сказать о режиссерах новых спектаклей МХАТа.

А теперь вернемся к первому варианту — самому удачному, когда отношении режиссера и молодого актера складываются творческие. Когда режиссер, приглашая актера в театр, сознательно отвечает за ответственность за него, и попробует использовать наибольшие интересы молодых актеров сегодняшнего театра. Тот же Сергей Юрский, Татьяна Доронина, Зинадина Шарко — за них ясно виден Товстоногов; и появлением в нашем искусстве Смокунцовы мы в значительной степени обязаны ему. И судьба замечательной актрисы Ангелины Дмитриевой тесно связана со спектаклем Эфроса, а его приход в театр имени Евгения Комомолова ознаменовался новыми актерскими открытиями.

Так, в последнем спектакле театра «Синегорье кино» великолепно играет весь ансамбль — режиссер — Глазунова, Вовки, Пелевин, Гогори, кто, может быть, никогда, судя актера неразрывно связанны с режиссером. И здесь-то и кроется переход от проблем технологических и профессиональных к проблемам более широкого порядка. Потому что режиссер — это прежде всего мировоззрение. И в конечном счете судьба молодого актера зависит от того, удастся ли ему рассказать со сцены о своем времени и его людях. Потребность в этом, желание этого он приносит в театр (если ее нет, он вообще не имеет права называться художником, и не о таких здесь речь), и потребность в этом ввязывается в зависимость от того, совпадает ли он с режиссером, с современниками театра, конкретнее — сколько можно сказать или если актер сравнительно скромен, сколько можно сказать что не совпадает, как позиция предшественника Марцевича в роли Гамлета, Михаила Козаков: поня — и ушел в тот театр, который был ему нужен и близок, — «Современник». Но понять не всегда можно, да и надежда не остается — вот скоро, в следующей роли, в этом сезоне удастся сделать что-то совершенно. И ждут, перебираясь случайной работой в кино и не телевидении. И делают роли и композиции просто так, для себя, даже без какой-либо надежды, что увидят в театре и примут во внимание при создании очередного репертуарного плана. В Центральном доме актера прошли уже три вечера под названием «Молодые роли» — актеры играли то, что им не удалось показать в театре. Среди участников — были много молодых. И, конечно, стоит подумать, почему один из московских театров, «Современник», не был представлен на этих вечерах; вероятно, потому, что это коллектив единомышленников, и творческие устремления его членов реализуются в сыгранных ролях, в спектаклях театра.

О КОЛЛЕКТИВЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Это понятие вмещает в себя сегодня очень многое. И наиболее интересные современные театры и благополучное разрешение авсевозможных творческих проблем — в том числе и проблемы молодых актеров. Если можно было бы превратить в короткий срок всех наших театров в коллективы единомышленников с помощью какого-либо общего идеологического приятия, но, к сожалению, так это не происходит. Их рождаются и укрепляются, так сказать, естественным путем. И очевидно, нужно внимательно присматриваться к жизни сложившихся или складывающихся театров-единомышленников таких, как Большой драматический в Ленинграде, театры имени Ленинского комсомола, «Современник», Драмы и комедии в Москве, «Валенуй» в Тарту... извлекать опыт решения творческих вопросов современного театра из их удач и ошибок. Потому что наиболее удачные решения проблем молодого актера мы находим чаще всего именно в этих театрах. И не менее внимательно относиться к любому творческому коллективу, который возник на четкой гражданской и мизерардической основе.

И не отрицать полностью радость по поводу удачного дебюта молодого актера. Радость, самая искренняя и чистосердечная, — это не все, что требуется. Нужна еще и анализа того, что происходит после дебюта, нужно иногда и вопрос тем, кто отвечает за его судьбу, нужно работать над созданием атмосферы, способствующей не только кратковременным выступкам, но и постоянному творческому горению.

Борис ВОЛОДИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Открытие вирусов объяснило природу многих заболеваний, но не дало в руки врачей оружие против этого коварнейшего врага человека. В очерке, который мы предлагаем вашему вниманию, рассказывается о поисках такого оружия, о создании препарата, побеждающего многие виды вирусов. Сейчас трудно сказать, как далеко простираются горизонты, открытые этим «побочным результатом» генетических исследований, какие еще болезни, возбудителем которых является вирус, будут побеждены.

Но было еще Академгородка. Лишь укладывали краевые угольные камни в фундамент Института гидродинамики и химического превращения. Лиши колпачков, ёсё, забытые в землю геодезистами, отмечали место, где принятось вырастить Дому цитологии и генетики. Не было еще сложного и нежного оборудования. Его еще называли на заводах и в организациях-импортёрах.

Но уже учились делать.

Уже запомнили опытные участки. Туда выходили из них чудесную сахарную свеклу, выращивали помидоры-мутанты, «кофтильную» кукурузу, облученный ячмень и облепиху.

«Ту-104» за пять часов переносил в Москву или из Москвы. Летали ча-

ДНК-АЗА-ПРОТИ

В ВИРУСОВ

сто: конференции, хлопоты насчет оборудования, сдвигивание (без отдачи) у коллег разных наименований мелочей. И створялись постепенно привычки к странному багажу постоянно своих пассажиров.

Заведующий лабораторией Института цитологии и генетики Рудольф Иосифович Салганик, обладающий Ноевской башней из Москвы портфель, битком набитой журнальными и книжными — для всех; однажды трехлитровые банки из под томатного соуса с живыми мышами — для онколога Салганик вез с собой также упакованную в картон стопку плоских фланков с горшечками, заполненными воском, а в них — культуры живых тканей. Он вез еще пробирки с южноамериканскими дрозофилами, которые должны были подождать ближе к тому, чтобы не замерзли, а в наружных карманах — чтобы не согрелись, это же не теплолюбивые мышки! — в фанерных коробочках, запаянные ампулы с вирусом: с вирусом ослепленной вакцины, с вирусом герпеса, с вирусом полиомиелита.

Вирусы Салганик вез для себя — для своей лаборатории.

С на называлась «лаборатория нуклеиновых кислот», и ее лабораторий вирусологии и следовательно, делом ее сотрудниками была биохимическая генетика, поскольку нуклеиновые кислоты (точнее, дезоксирибонуклеиновые) не что иное, как вещество генов.

Но среди облюбованных биологами объектов, наиболее удобных для изучения ясновидящих закономерностей природы, издания состоят и некоторы вирусы.

Эти престранные создания — самые маленькие из живых существ — как и все живое, сложены из нуклеиновой кислоты и белка.

Они действительно странны, эти вирусы: они не могут размножаться во внешней среде, в неживой природе. Они окажались лишь в живых клетках — в клетках бактерий, в клетках растений или животных. Там они создают и тысячи вирусных тел, подобных себе. Создают из материала клетки, в которую они, вирусы, вторглись. Создают, разрушая клетки.

Итог — болезнь. Черная оспа и грпп. Детский паралич и бешенство.

Десятки болезней человека, животных, растений вызваны этими странными существами, о которых узнали Салганик, тот, что традцать лет назад первым выделил кристаллический вирус, сказал: «Все вирусы мертвые, как камень, а в клетке живы, как все живое».

Позже он сказал еще так: «Вирус становится тайным агентом, способным выведать у клетки то сведения, которые она обычно скрывает от на-войного любопытства человека».

Станции обронили этот афоризм не случайно. Начиная с 1956 года завербованные исследователи на «широкую работу» вирусы проникли передавать из клеточных недр «широкие тайны» вирусной установки, в которых раскрылись многое тайны дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Именно в 1956 году Гиргер и Шрамкин, биохимики из западногерманского города Тюбингена, и Френкель-Конрат, из американской колледжа из Беркли, открыли «механизм инфекционности вирусов», установили, что же именно в крохотной вирусной частице является действующим начальником своих пассажиров.

Они взяли вирус мозаичной болезни табака, отдельно вирусную нуклеиновую кислоту от вирусного белка и заразили часть растений чистой нуклеиновой кислотой, а часть — чистым белком. Видимо, вирус не выдержал выделения из клетки и засох.

Но растения, в листья которых были втерта нуклеиновая кислота, заболели. В их клетках начали образовываться мириады вирусных частиц-паразитов. Нафаришированные вирусами клетки взрывались. Вирус вторгся в новые, все больше и больше разрушая ткань табачных листьев.

Эти опыты прямо доказывали, что нуклеиновая кислота вируса несет наследственную информацию об ее частице. Она и есть вирусный ген.

Потом-то работы Гирера, Шраммы и Френкель-Конрата произвели на всех биохимиков и генетиков очень большое впечатление.

При этом удивительно стандартны. Все клетки на земле содержат два вида «нуклеиновых кислот» — ДНК и РНК. Гены — наследственности — построены из ДНК. Но из практика есть исключение: на части вирусов роль гена выполняют РНК (рибонуклеиновая кислота).

Поэтому каждому виду веществ, участвующим в процессах жизни, соответствуют белки-ферменты, управляющие в клетках синтезом и распадом этих веществ. Распадом нуклеиновых кислот ведут специальные ферменты — нуклеазы: РНК-аза и ДНК-аза. Примечательно это.

Кстати, Френкель-Конрат, Гирер и Шрамкин, применяли эти ферменты в одном из своих опытов, для них особенно важном. Они пытались зарядить табачные листья нуклеиновой кислотой, которая была обработана ферментом-нуклеазой, ее разрушающим. И обработанная ферментом нуклеиновая кислота уже не могла вызывать образования новых вирусных тел. Они теряла свою инфекционность, способность заражать растения.

Работы этих ученых прозвали на французском языке «убийством вирусов». Работы Гирера и Шрамкина, как и всех его коллег, очень сильное впечатление.

Салганик поразило, что вирус входит в клетку в виде «головы» нуклеиновой кислоты. Но более всего его заинтересовал опыт, на который, видимо, не обратили должного внимания сами авторы работы: опыт, в котором, ферментом-нуклеазой, в частности, рибонуклеазой (сокращение РНК-аза), обезвреживали в контрольных опытах вирус... нет, не вирус, а именно эту самую «голову» вирусной кислоты.

И вот эта идея оказалась мыслью: а нельзя ли поскольку в клетках больных людей вирусная нуклеиновая кислота «голова», уничтожить ее там же, нейтрализовать, обезвредить ферментом? То есть нельзя ли лечить вирусные заболевания ДНК-азой и РНК-азой?

Эта мысль появилась у него в 1957 году.

Прежде он никогда не занимался вирусами, и не занимался в биохимической лаборатории Киевского института питания (именно там Салганик работал в 1957 году) он никогда не использовал вирусы для своих опытов.

Он был врачом по образованию, но с тех пор, как снял погоны капитана медслужбы, не лечил даже своих до-машин, предпочитая при надобно-

сти обращаться к услугам районных врачей. Однако все же сохранился привычка думать немножко по-врачебному. Впрочем, разве мылью что-то, что открыто биохимиком и генетически явление можно использовать для борьбы с вирусными болезнями, не могла прийти в голову?

Итак: «...нуклеазы лишают вирусную нуклеиновую кислоту инфекционности... Если ввести нуклеазу в организм, в который вирус вторгся, она может оказать активное действие на вирусные частицы, изо в клетках вирусная нуклеиновая кислота оголена, лишина оболочки, защищающей от разрушительного действия фермента...». Вот примерно такая мысль появилась в голове Рудольфа Салганика.

Когда Салганик впервые написал эту, чуть упрощенную, идею самого Рудольфа Иосифовича и у его коллег, с которыми он в разное время делался этой идеей, возникло множество разных сомнений насчет ее правильности. Их, конечно, не перечислить. Для нас важно одно: рассстаться с идеей Салганика не смог.

Вирусология, вирусные болезни никогда не были его делом. И невозможено заниматься всем сразу. В каждой новой серии собственных опытов, в каждой новой работе, в каждой вспомогательной работе, в каждой венерике подстраивая себя крепким кофе, обязательно есть вещи, которые начинают тебя приманывать и стремиться — только поддайся им! — повести своей дорогой. Если хочешь, чтобы всякий день приносил максимальные отдачи и движение работы было строго поступательным, беззаказно отстеки все, способные увести в сторону от главного. Вирусы — это ход в сторону... Если бы все не делали этого, то вирусы краине ушли бы в 1957 году, люди бы смогли не болеть гриппом. А вот, пожалуйте, ходят по Киеву этот «казацкий грипп». В магазинах продавцы работают в марлевых масках. Врачи измучены вызовами... И, кстати, у него самого болят головы, слезятся глаза, нарушена пульс... Посчитайте... 25 из падающих сейчас... 100... Погодите! И в один из таких дней мысли, доступные действительно только опытам, будят сорваны. Все придется начинать сначала. Двухдневная работа насмарку! Как бы обойтись. Вышли три таблетки аспирина, чай с малиновой молоком с медом и водой с перцем. Не поможет. Проводят вируса это не поможет... А что получится ДНК-азой, то что ДНК-аза поможет... Применим ли ДНК, то что ДНК-аза поможет... Кажется, еще не определили, какая у него нуклеиновая кислота — ДНК или РНК. А что, если все-таки попробовать?

Думает, что Рудольф Иосифович Салганик извинят нас за самовольное вторжение в лабораторию, где он работал в 1957 году, и за беспечительность, которую, воспроизведет ход его мыслей, сорвавшихся одна другую, тем зимним вечером, когда у него начинились гриппом.

Теперь, передай, от недостоверных предположений к фактам.

Итак, у него действительно начались грипп, и на лабораторном столе стоял фланк с собственноручно выделенной ДНК-азой. Салганик поддал ее кончиком скальпеля немногого ДНК-азы, пересыпал немногие кристаллины и, разведя фермент..., нет, даже не дистиллированной, а обычной водопроводной водой, закапал раст-

вор себе в нос. Ощущение было не приятным оттого, что в нос попала вода.

Потом Салганик извлек из термостата пробирки и с трудом — чувствовал на себе скверно — эвакуировал часть эксперимента, приходившуюся на этот вечер. Перед уходом из лаборатории он снова закапал себе в нос раствор фермента и прихватил фланкеном с прозрачной жидкостью домой.

Чтобы опыт — все-таки это тоже опыт! — был «чистым», дома он не принимал никаких лекарств и иных средств, с помощью которых все мы, грехи, пытаемся по традиции избавиться от гриппа. Даже чай он пил без малины. Но до сна раствор ДНК-азы он капал себе еще дважды в день.

И это очень его удивило, ибо идея была слишком проста, даже примитивна для того, чтобы оказаться правдивой.

Следующие клинические эксперименты Рудольфа Иосифовича поставили на собственной жене и даже на dochre, потеряв некоторое время на объяснения: «Хуже не будет!...»

И эти «эксперименты» тоже были удивительными.

Тогда Рудольф Иосифович решил эксперимент расширить. Весь заставил фермента с подобными наставлениями он вручил знакомому врачу, работавшему в одной из киевских поликлиник. Засек хватило и два дела больных, и в один из которых положил раствор ДНК-азы. Был дн-ы был в первые сутки сутки заболевание. И они выздоровели. Остальные получили ДНК-азу на второй и третий день. Ее действие оказалось, боязливым, слабым, но все-таки ощущимым.

Тогда Рудольф Иосифович сел за письменный стол и написал маленький статью для медицинского журнала. Он изложил все, что краине предположил, позволившие автору статьи заподозрить, что фермент ДНК-аза может оказаться специфическим средством лечения вирусных заболеваний, в частности гриппа. Он привел результаты двух десятков клинических экспериментов и послал статью в редакцию.

Довольно скоро из редакции был прислан ответ, вежливый и отрывистый: «Мы не можем опубликовать статью в ответе редакции, была уже не одна книга, в которой говорилось, что биохимик Салганик лежит не в своей длине. В ней говорилось, что клинические эксперименты надо проводить с соблюдением специальных правил, которым автор пренебрег. И, наконец, в ней назидательно указывалось, что нуклеиновые кислоты и ферменты не имеют никакого отношения к вирусам и вирусным болезням».

Право, более всего его поразила изразцовая рецензия.

Салганик был теоретиком, но теперь в нем попросту звучалась лягушка. Все, что было опасно, было интересно биологам, ощущалось как адреналин, как сильный всплеск. И, наконец, в ней назидательно указывалось, что нуклеиновые кислоты и ферменты не имеют никакого отношения к вирусам и вирусным болезням.

Он знал, что у опытников будет много яростных против, а главный, самый тяжкий довод — разворачивавшая, неважная горячим опытом неудачных поисков противовирусных средств. Он должен был подготовить ответы на все их доводы.

В той биохимической лаборатории, где Рудольф Иосифович работал в 1957 году в Киеве, не было условий для работы с вирусами. И все же он

Почему все-таки на одни вкусы предразделены? — спрашивал Дубинин. — Да и не действует! Право, Рудольфу Саганникову и его коллегам есть над чем пополам голову.

Вот он — раствор ДНК, который выделяется из сем обычной индюшьей яйцеклетки в совсем обычных флягах-чашках!

начал эксперименты, и к этому в Институте питание отнеслись спокойно, ибо у Саганникова была здесь репутация серьезного работника, от которого тем больше пользы, чем больше у него самостоятельности.

..Но одна профессия не оставляет, пожалуй, столь прочного следа в складе человека. Всичко, начиная уходит из медицины... Уходят в субточеские области науки или обретают другое призвание. И все же внутренне они не перестают быть врачами.

Было или не было дами в торжественной обстановке корпоративное обещание — «блокирователи клеток», врачи всегда будут помнить о своей обязанности помочь всем возможными средствами тем, кто нуждается в его помощи, не избыва-

ется от привычки тянуться к застывшему упавшего на улице человека, чтобы прощупать его пульс, не избавится от привычки оказывать первую, порой самую важную, самую необходимую помощь, мобилизовать все, что сохранилось в памяти. Если по духу до истинного врача, конечно.

Gенетики даже в самую тяжелую пору как могли пытались продолжить свою науку. Отчаянно мешала отвornoсть друг от друга. А молодые генетики подчас просто не знали, что говорить гадят работают люди, почины статьям и книгам они приобщились к этой науке. Не знал и Саганников, пришедший к биохимии наслед-

ственности от изучения процессов биоинтеграции белка.

Однако Саганников в Москве на конференции, где в кулуарах, а чужом разговоре Рудольф Иосифович услыхал фамилию: Дубинин. Фамилия была известной. Саганников помнил громониковые статьи и речи, в которых противники генетики склонили ее на все лады с обязательным приложением длинного эпитета «американский — вейманист — морганист», а равно и других, противоречившихся, этикеток, «анализатор», «анализаторщица», «антигенетик», «антигенист»... Но Рудольф Иосифович был известен, что, кроме эпитетов, Дубинину принадлежали еще и важнейшие работы по теоретическим проблемам генетики, именно по тем вопросам, которые то и дело принимались: мучить его, как только он начинал разбирать свою опыты с клеточными ядрами.

Прислушавшись к разговору, Саганников понял, что Дубинин, подпрежнему занимавшийся генетикой, и то, что он — в Москве и очень интересно работает. Отступив раз от правила хорошего поведения тем, что вслушалась в чужую беседу, Рудольф Иосифович решил отступить и всторой: спросил, не могут ли коллеги, беседовавшие о Дубинине, поведать, где расположена его лаборатория. Коллеги поклонились и Рудольф Иосифович тоже: это было на тот момент московскую окраину — теперы, через девять лет, она считается уже почти центром... Отыскал неказистый домик и, представив перед членом-корреспондентом Академии наук Николаем Петровичем Дубинином, сказал:

— Мне нужно с вами посоветоваться...

При следующих посещениях столичников Рудольф Иосифович, конечно, снова приходил в этот домик, где всегда пахло «дрозофильной кухней» — и вспоминал о том, что вспоминал и дедушка, которым почтуя плодовых мушек — чудных крошащих тварей, раскрывших науке одну за другой тайны мутаций и креомбрионий генов. Он рассказывал Дубинину о том, что творится у него в опытах с клеточными ядрами, и Николай Петрович обсуждал с ним эксперименты, уже сделанные, и беды генетиков, еще не завершившихся. Вокруг названных предметов ишли их беседы...

О викурах Саганник тогда не произнес ни слова. Не отважился завести разговор о теме, которую ему самому казалась тогда скользкой.

И вот однажды вечером, когда Рудольф Иосифович сидел у себя дома в киевской квартире и думал невеселье думы, для чего работать с генеалогиями при таких темах, понадобился телефонный звонок — из киева. (Еще Чаков звонил: «Вспомни, какое место встречи это «вадру»?) Итак, здравствуйте! — послышался голос Николая Петровича Дубинина. Он просил Саганника немедленно приехать по крайне важному делу.

Взяв наставту отпуск за свой счет, Рудольф Иосифович сел в скользкий поезд и спустя еще половину суток появился в домике Дубинина.

Николай Петрович спросил его для начальства работать и засыпал. И Рудольф Иосифович отважился рассказать о своих делах с нуклеинами.

— Это очень интересно! — воскликнул Дубинин. — Это должно получиться...

Саганников, не зная, что же это,

— Так вот, Рудольф Иосифович, вас притянули не просто Дубинин, а директор-организатор Института цитологии и генетики. Титул я называл не для того, чтобы вы ощущали трепет перед административной личностью. Но согласитесь ли вы принять в этом институте заведование лаборатории генетической лаборатории? Институте не будет. Здания института нет. И города под Новосибирском, в котором этот институт будет, тоже нет. Но все будет: город, институт, здание, многое институтов рядом. Контакты, Теснейшие контакты, комплексные работы вместе с химики, физиками, математиками. Но вперед, оборудование. Будут выдаваться деньги просто так. Будет заключаться договор, который начнет платить своих дад с седьмогодного ее дня. Согласны?.. Кое у кого на институт сделывается белым в глазах. Отбываются куда сложнее, чем создавать институт, и очень важно — с первых дней поставить параллельно с теоретическими работами дальнего принципа работы, которые будут практиковаться в лаборатории, а не в более раннем, в противников главный нозырь — так называемая «блеск-подлинность генетики». Что они скажут, когда через два-три года мы выдадим цветную норку, полиплоидную сахарную свеклу и ваши противоворусские препараты? Ведь все это подлинные плоды генетики!

(Автор считает обязательным сделать здесь такое примечание: монолог член-корреспондента АН ССР Н. П. Дубинина не был ни звенено-изложением его приобретенной Позитом, может быть, в нашем изложении речь его приобретена стойкой, несвойственной Николаю Петровичу. Может быть, слова были другими. Наверняка пропущены и наверняка упомянуты некоторые мысли. Самое главное — в том, что все, о чем Дубинин тогда говорил, осуществлялось. Впрочем, не надо приписывать Николаю Петровичу особого пророческого дара. Он не лифка. Он учений.)

Hак ни безверден препарат, но, чтобы дать его людям, нужно наладить промышленный выпуск, разработать технологию, подготовить установки на фармацевтических заводах, обучить рабочих, истратить сотни тысяч рублей.

Примитивы у нас правили лабораторных и клинических испытаний очень строго. Может быть, даже слишком строго, но поймем и медиков. Ведь их ссылали учени: «впервые, не проверяли!» И у них в памяти свежо разразившаяся в Европе трагедия с «стандартизированной кровью», с которой связаны болезненными ядрами, с лекарствами, благодаря которым население Европы пополнилось несколькими тысячами уродов.

И потому медики stricto strato придерживаются жесточайших правил лабораторного и клинического эксперимента, не допускают из них исключений, требуют от авторов, имевших несчастье предложить новое лечебное средство, точнейших ответов на множество теоретических и практических вопросов.

Чтобы ответить на них, Саганников и его товарищи — биохимики и генетики, работавшие над нуклеинами и вирусами в Новосибирском институте цитологии и генетики, пришлось трудиться много месяцев. Пришлося изучать действие нуклеаз на разные вирусы, а вирусы то и дело преподносили всевозможные

РЯЗАНСКОМУ ВОЕВОДЕ С ТОВАРИЩАМИ

Пожелавшему листу бумаги 240 лет. Это указ, извещавший поданных Российской империи о смерти Петра Великого и о восшествии на престол Екатерины I. Он скреплен подписью московского временщика и любимица царя Александра Меншикова и других вельмож, будущих членов «Верховного тайного совета».

Указ был напечатан в «Санктпетербурге при Сенате» 31 января 1725 года, через два дня после смерти Петра, и разослан по всем воеводствам русского государства.

Оригинал, воспроизведомое на листе, много лет хранился у старшего книголюба, собирателя редких книг и авторографов Э. Ф. Сильвэльзона, был послан в Рязанское воеводство.

На этом листе, кроме сноска Петровых, его ближайших помощников и соратников, подписанное документ? Меншиковы, сын при дворном колоколе, из молодости гордившийся пирожками, расписавшие развалины на две строки только именем и фамилией, не упоминает своего титула «светлейший князь и фельдмаршал», а родовых князей и графы Головкин, Голицын, Долгорукой, Толстой и другие указами своих титулов.

Среди именений фамилий затерялась подпись Якова Брюса, наблюдателя за гидрометрическими делами в России и автора знаменитого «Брюсовского календаря».

Подпись указа и граф Араповски, самый сухопутный генерал-адмирал, ничего не смысливший в кораблестроении, прославивший лишь своим радушiem и хлебосольством.

По свидетельству историка О. В. Ключевского, все эти люди, в чьих руках оказалась судьбы России, после смерти Петра не имели ни способностей, ни охоты продолжать его дело.

ТАК И БЫЛО

свечами. В четырех углах комнаты сидели четыре человека и что-то писали.

Ничему стало жутко.

— Для того, чтобы заработать пять франков, — сказал барон, — вы должны взять этот грот и отнести его в подвал. Я провоню вас... Он помог нимашеву полонить и сунул ему в рот и взял сечеву.

Нимашев покрутился в кресле,

вздохнул, покусываясь прикосновением холодных пальцев к горлу. Нимашев вздрогнул и чуть не выпрыгнул из кресла. Нимашев обернулся и сидящим в комнате.

— Что это значит? — изумленно спросил он.

— Вы заработали пять франков, — ответил барон, подавая ему деньги.

— Уж я и работал его за то и Христом-богом молнией отстать, а он выволакивал, как ни заломят меня — говоруном, да говоруном. Так и говорил, и пропагандил, говорил, прости меня господи... — И обнимавший, еще более бледнеясь, заплакал. Один из них, наклонившись, успокоил:

— Поднимись, адвокат, колоды чеков в штанах не сидят. Он постучал карами по стакану и, дондевшись тишины, пронзес традиционную вступительную фразу:

— Господа присяженные заседатели! Все головы повернулись в сторону адвоката. Головы повернулись с минуту и тем же тоном повторили:

— Господа присяженные заседатели!

Снова послышалось: «Судья!»

— Господа присяженные заседатели! — в третий раз проговорил адвокат.

В зале поднялся ропот. Старшина присяжных ухмыльнулась и заметила, вполголоса:

— Мы и так знаем, что присяженные заседатели Голова и Голова должны говорить...

— Господа присяженные заседатели! — раздался в четвертый раз адвокат.

— Я не виновен. Подсудимый тотчас же

был освобожден из нашей страны.

нужно было видеть лицо, искаленное ужасом.

Четвертое в углах быстро рисовали.

Нимашев сидел у одиночной стены караулки и бумагу в течение двух минут нарисовал что-то и подал листок барону. Тот извлек из кармана и выронил его на землю. На листке были нарисованы четверо сидящих в комнате с лицами, искалененными различными грамматическими ошибками.

— Кто вы? — спросил барон.

Лицо бедных испанских сидящих, — бросила та, — это я. Я — выходу... — И он с треском захлопнул дверь.

Когда величайший художник мира, донимавший своим веки на городских панелях,

ту же фразу, вспомнил раз выдергивая продолговатенную паузу.

Нимашев сидел на краю кровати.

— Не могу ли вам перейти к делу, милостивый государь? — строго обратился он к адвокату.

Сидящие раза повторяли одно и то же — гневно выкрикнули один из присяжных:

— Господа присяженные заседатели! — снова повторил адвокат. — Я только делаю минуту паузу, чтобы весьма почетные граждане, присяженные заседатели подзащитный целый год слушали, как его обидно обзывают горбуном и жалеют ему.

Сидящие раза повторяли одно и то же — гневно выкрикнули один из присяжных:

— Господа присяженные заседатели! — в третий раз проговорил адвокат.

В зале поднялся ропот. Старшина присяжных ухмыльнулась и заметила, вполголоса:

— Мы и так знаем, что присяженные заседатели Голова и Голова должны говорить...

— Господа присяженные заседатели! — в четвертый раз адвокат.

— Я не виновен. Подсудимый тотчас же

был освобожден из нашей страны.

Ал. ЯКОВЛЕВ

ШАХМАТЫ

ПОБЕДИТЕЛИ VIII ОЛИМПИАДЫ «СМЕНЫ»

Закончилось традиционное зарочное шахматное соревнование наших читателей. В наынешнем году в трех турнирах олимпиады «Смены» и турнирах новичков участвовало более 25 тысяч читателей нашего журнала. Приоритет по результатам получили команды из 122 школ, в которых было 1200 участников, разделенных по шахматам и высшими соответствующими классификационными удостоверениями.

В турнире новичков, представляемые участниками трех турниров олимпиады, рассмотрены элиты. Определены победители: по первому туру (разбор задач и этюдов) — чемпион, по второму турру (организация и проведение турниров), по третьему, заключительному турру (выигравший) — 77, по четвертому, — 50. Вот их имена:

Виктор Желтухов, сборщик железнодорожных конструкций (г. Тольятти, Куйбышевская область);

Григорий Ланциман, инженер Глазовского Министерства связи СССР (г. Глазов);

Анатолий Михайлов, инженер автомобилей (село Сабурово, Кургальжинский район, Целиноградская область).

По предложению жюри отмечается также группа читателей, успешно выступавших в восмой олимпиаде: Михаил Банченко (г. Барнаул, Алтайский край),

Иван Баскаков, рабочий птицефабрики (г. Назарово, Красноярский край), Николай Басс, зам. начальника райотдела милиции (пос. Жигалово, Красноярский край),

Александр Богачев, слесарь (г. Новокузнецк, Кемеровская область); Янко Гарасин, рабочий (созюз «Свобода», Ярославская область);

Николай Варченко (г. Магнитогорск), Геннадий Глаухарев, печатник (г. Мончегорск), Альберт Григорьев, инженер (г. Красногорск, Армавирская ССР), Геннадий Дербин, инженер-технолог (г. Тимашевск, Краснодарский край), Казанцев, бригадир грузчиков (пос. Шахтерск), Анатолий Ермаков, инженер (г. Новокузнецк), Владимир Николаевич Ермаков, участник олимпиады (село Городище, Новосибирский район), Виктор Ермаков, военный моряк, Иван Писанец, шахматист (шахта имени Шахтера, Краснодарский край), Вера Смирнова, сотрудница научно-исследовательского института (г. Сууксы), Алексей Смолицын, рабочий металлической промышленности (г. Темиртау, Казахская ССР), коллектив шахматной секции пансионата «Дом культуры» (г. Дигора, Северо-Осетинская АССР).

Виктор Желтухов
Григорий Ланциман
Анатолий Михайлов

Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в заключающемся заочном состязании, и приглашает любителей шахмат включиться в нашу очередную, девятую олимпиаду, которая начнется в январе 1966 года.

В ЧЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Они из примеров выигравших олимпиады, печатных титанических «Правда» Г. Глухарев, составил остромую задачу-мистификацию для участников олимпиады. Прежде чем приступить к решению, внимательно изучите изображение на исходной позиции фигуру. На шахматной доске изображена единица, символизирующая первое

Белые начинают и дают мат в три хода.

Смена 17

“УЛЬТРА-СИ”

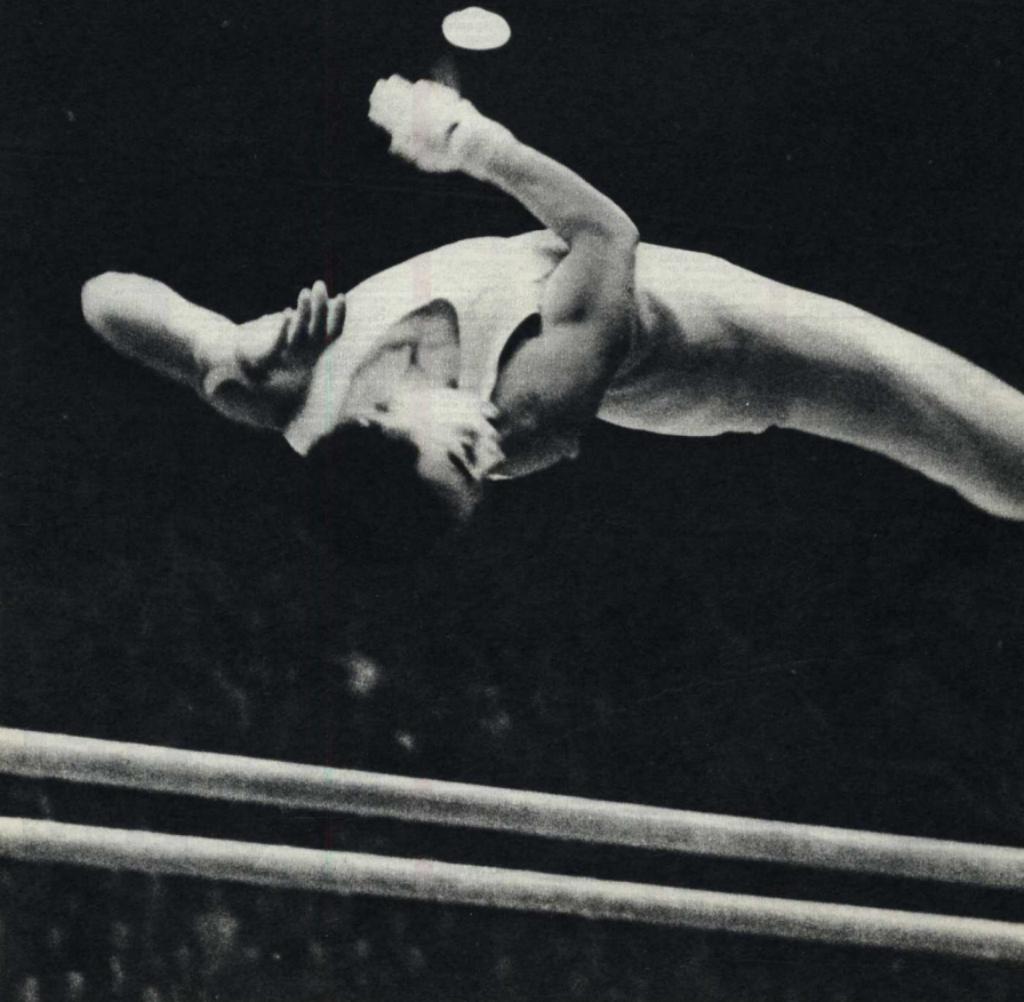
Андрей КУЛАКОВ,
мастер спорта

Фото мастера спорта
В. САФРОНОВА

В гимнастике существует такое понятие — «впечатление». Это величина не постоянная. В 1952 году на Олимпийских играх в Хельсинки советские гимнасты поразили мир неизданной отточенностью исполнения. Четыре года спустя летом в Олимпийске Токио впечатление стало другим. Уже недостаточно было держать ноги безуказированно прямыми. Требовалось показать такое, чтобы зритель ахнул. В упражнении появился центральный элемент — трюк. Японцы назвали его «ультратрик». Изменился и стиль исполнения. Упражнения стали более динамичными, с часто меняющимся ритмом.

Прошел год, и вот в Киеве и в Москве снова встретились гиганты гимнастического мира — сборные команды СССР и Японии. С ярким интересом все синдики обратили внимание на вопрос: каким эталоном будет теперь измеряться большая гимнастика?

Самолет летел из Киева в Москву. Мое место оказалось рядом с Такаси Мицукурой, членом японской золотой сборной в Риме, Праге и Токио. Я рассказывал Мицукуре об известных японских гимнастах, которых на этот раз не приехали в Советский Союз. Такие, как Ясасирио Юко. Этого тренера, разумеется, разместили новые элементы. Его упражнения, если оценивать их с позиции будущего, недостаточно трудные. У Хаяты, олимпийского чемпиона на кольцах, кесчность. Разумеется, сложный акробатический прыжок, он получил тяжелую травму. А Хирохиро Ямасита пребывает пока на седьмом небе — у него медовый месяц. Любопытно, что он взял фамилию жены и теперь именуется Мицуда. Впрочем, несмотря на садебные отпуска, Ямасита-Мицуда тренировался: прыжки с кольцами, некоторые трюковые прыжки. Я понтересовался: каким именно! Мицукуре достал блокнот и начертил. Ага, ясно: сальто

вперед толчком о ближнюю часть коня.

— Он теперь будет называться «прыжком Мицкури». — сказал Танака.

Но я поспешил его разочаровать: этот прыжок в следующем году назвали «прыжкой из Адамини Альберт Аланбурга». А сейчас его выполняют у нас довольно много гимнастов.

— Почему же его никто не показал на встрече в Киеве? — спросил Мицкури.

Я ответил, что, как это ни странно, застрельщиками нового у нас являются зачастую молодые гимнасты. Им, так сказать, нечего терять, они не боятся риска. Мицкури улыбнулся.

У нас то же самое. И назвал несколько сложных элементов в разных видах, которые в Японии делают только молодые спортсмены. К слову сказать, все

эти «ультра-сы» исполняют и у нас.

Здесь я хочу прервать свою беседу с Мицкури и поделиться некоторыми размышлениями о молодых спортсменах и «новом волне» в гимнастике.

Матчи в Киеве и в Москве неспроста называли «встречей года». Это перекресток, на котором сошлись пути-дороги советской и японской гимнастики. На этот раз успех выпал на долю наших мастеров, и это, конечно же, заслуга тренеров. Но я думаю, что через год в западногерманском городе Дортмунде состоится чемпионат мира, да и Олимпиада в Мехико уже не за горами. Победят тот, кто правильно выбирает новые пути подготовки по выведенному «деланным» после «встречи года». Она показала нам картину сегодняшней гимнастики и приоткрыла завесу над будущим.

Занять место в национальной сборной, вытеснить оттуда ветеранов можно только одним путем: превозйти

См. стр. 26.

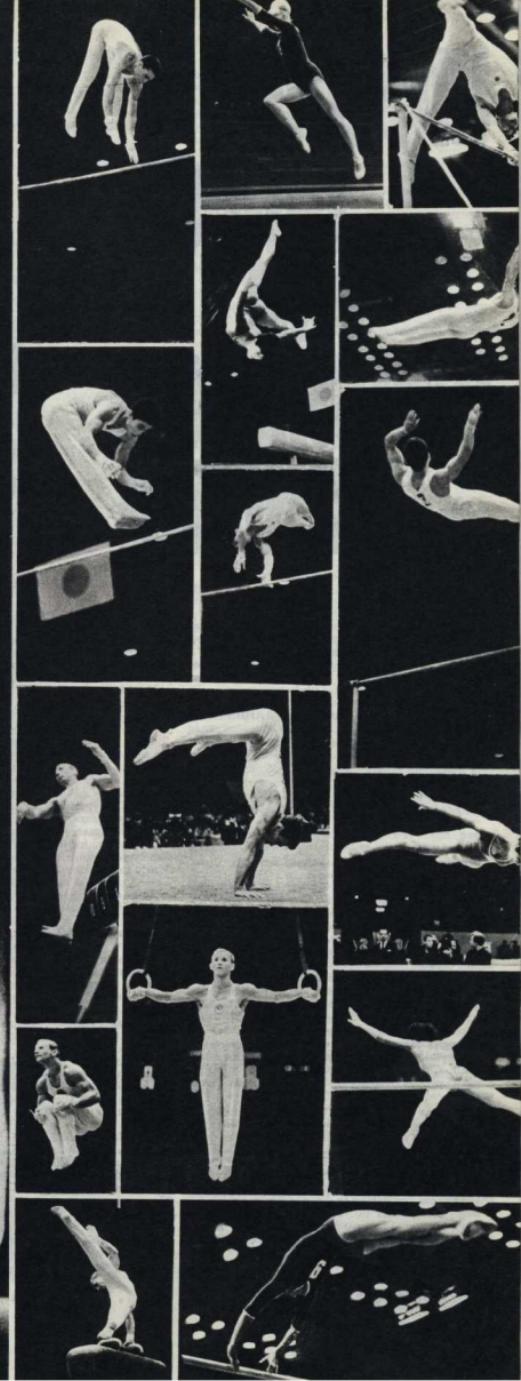
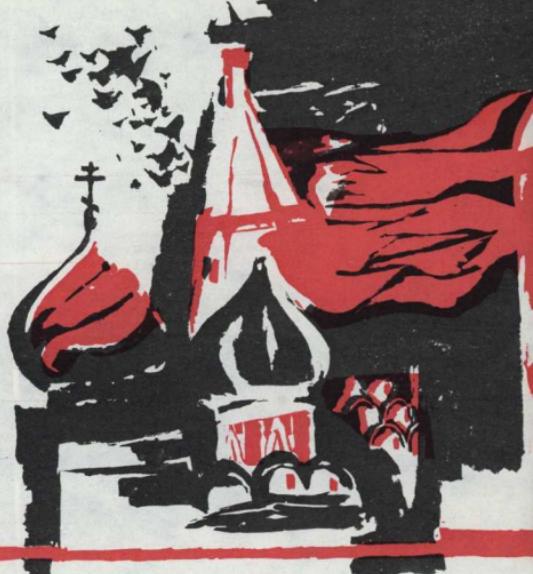

РИСУНОК Г. НОВОЖИЛОВА

шесть строк для начальной школы

РАССКАЗ

Недавно Митя завел себе настольный календарь. В то утро, перекинув листок, он обнаружил четыре пометки.

Первая, в верхнем углу листка, нарисован: «ЛАСТИК». Притом начальные буквы были заметно крупнее, чем последние, так что слово как бы скользило по ним.

Вторая запись: «11 ЧАС.—ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА».

Третья, такая же четкая: «ИРИНА — ЧАСОВ В 7—8. УТОЧНИТЬ».

И четвертая, опять какая-то косая: «СВ. А. РОЖДЕСТВО.—ПОПОЗДЬ».

Итак, Мите в тот день предстояло сделать четыре разных дела.

1. «ЛАСТИК».

В сущности, это слово означало вот что. Поза вчерера позвонила Левка и сказала:

— На лыжах поехали? Брось, у меня тоже доклад, но сезона ведь кончается... Чтото Брюки правдались? Ну, это не принципиально. Погоди, дай подумать... Есть! Завтра... Нет, завтра у меня конференция, а том 16го зайдемся. Мне тоже спирт нужен, а ты сеанс профессора Калюжного... Эх, теперь бывший будешь-ластик для саломы идеально воротишь. Что? Но тебе же все равно придется всерез переходить на лыжи. Или ты как машина, все будешь на каток бегать?

И Митя пометил в календаре, что 16-го ему предстоит заняться приведением брюк. Но на листке уже значилось: «11 час.—Заседание научного совета». Поставить рядом какие-то лыжные портки, хотя бы и «ластик»? Нет, Митя черкнула в углу листка, нарисовав, явно небрежно: «Ластик»...

Не сделав зарядки, Митя вздыхая, за телефоном друга Ленка имела обыкновение вставать рано.

— Зря ты тогда не поехал, — сказала Ленка. — Скохолжение идеальное, отлично походишь. Кстати, что на лето предполагаешь? Подводной охотой еще не занимался? Пора, миша, пора! Из студенческих пленок ты уже избавился? Или возможностей применения в тебе осталось действительно — у него диссертация по геофизике морского дна, а я квантово-консультантка. Ахахахах и все прочее обеспечено... Что? Ах, насчет брюк! Я уже созвонилась, сегодня пойдем.

Митя сказала, что сегодня у него, возможно, от-

ветственное свидание. Да, с Ириной. Но, может быть, прихватить ее с собой?

— Это опасно, — предстерег Левка. — Если вы уже начинаете вместе приобретать брюки и вообще мебель, то это опасно. Ты уже не мальчик.

Но Митя ответила, что со стороны Ирины это опасно.

— Не трохи, думавши? — перебил Левка.

— Не страшно! — повторила Митя.

Левка сказала «хвало за храбрость»; договорились созовиниться и вместе пообедать. Потом у Митя было заседание учченого совета, потом он уточнил насчет Ирины, но она еще не приехала, потому зашел за Левкой, и они всплеснули приступами к тому, что в календаре обозначалось словечком «ластик».

Они подошли к комиссионному магазину точно к закрытию, но пропуск не подадут, а после них уже никто не пропускал. Левка представила Митя интеллигентной кассирше:

— Это мой друг, тоже молодой ученик.

Дама представила Митя почтенной приемщице:

— А это Левин друг, тоже молодой физик.

Митя хотела было уточнить, что он не физик, а историк, но сдергалась: увы, историки котируются в обществе и в комиссионных магазинах значительно ниже физиков. Женщины были очень любезны и не сапожник делают. Они называли Левку и Митю «ребятками» и все соображали, как бы подобрать им что-нибудь подобное и подстичную.

Ладно, сделаем, завтра заходим!

Митя потом понтересовалася, велика ли будет наценка.

— Да ты что! — сказал Левка. — Что мы, милионеры или спекулянты? Ну, доведем ихних дочек на какой-нибудь вечер в Институт физических проблем или в Институт химии или к биофизикам. Все в масштабах любезности.

2. «11 ЧАС.—ЗАСЕДАНИЕ УЧЕННОГО СОВЕТА».

Сделав зарядку. Митя поспешил домой. А начало заседания совсем успело перепровернуть с профилем насчет темы своей диссертации. Год назад, когда шеф предложил эту тему, она показалась Митя неинтересной, неактуальной, непрекрасной, наконец, — Но шеф тонко улыбнулся и сказал:

Пахот тот историк, который не умеет предвидеть будущее. Через год-полтора эта тема всплынет.

Митя поверил и теперь не раскаивался. Тема

действительно всплыла, а после недавних событий оказалась просто актуальной, вот так!

Шеф вел заседание в темпе:

— Ну, что тут у нас! Для энциклопедии заготовлено много интересного материала о Киевской Руси. Я помню, это тема профессора Калюжного. С него и выльется. Но возражаете, Геннадий Платонович? Так и запишем. Теперь же: звонили из Министерства иностранных дел, просили справку о русско-турецких торговых сношениях в 1910—1914 годах. Это, конечно, доценту Зибело поручим...

Митя уважал шефа. Крепкий мужик, по-хорошему правильный. Такие не только изучают историю, такие сами ее делают. Вот только Ирина приподняла ему плечишиной или еще кем-то, поскольку вряд ли это был шеф.

Еще одно дело — продолжал шеф — из Учпедиза сообщали, что выделена сумма на научно-консультативную для учебника истории СССР 4-го класса начальной школы по теме «Польская интроверсия начала XVII века. Александрий I». Сумма, правда, небольшая, но тема должна уложиться не более чем в шесть строк текста. Ну, ученик-то для начальной школы. Кто возьмется?

Докторы и кандидаты исторических наук положили плачевые.

— Ну вот что, поручим эту тему товарищу... И шеф назвал Митя фамилию. — Он у нас аспирант, аспирантка, да обучение не слишком затянут, спрашивается, в полгода. Возражений нет?

Тут Митя сразу заметил, что начало XVII века. Александрий — это же совсем не его тема, что он как-то не уверен. Но шеф все это отвел: мало ли что, он же историк, а не узкий специалист, не какой-нибудь квантовореальный механик, да и вообще шесть строк, о чём говорят?

После заседания Митя забежал в канцелярию — там ему выдали институтские бланки: ученические сальфетки, бланки для письма, бланки для официальных писем. Митя понимал, что это залоговая, в сущности не слишком научная, но все равно заглянула в библиотеку и выписала третий том Калюжного и монографию Костомарова «Кто был первый Александрий?». Пока библиотекарши ходили за книжками, Митя позвонил Левке, чтобы отложить на часок обеда.

— Почему? — спросил Левка. — Что, что? Ради шести строк откладывать обед? Ну вот что, бери карандаш, пиши: «В начале XVII века — году

в 1605-м, что ли? — эх, память уже не та стала! — так вот, в начале XVII века ставленник польских панов белогорьи монах Гришка Отрепьев называл сыном Иваном Грозным, царевичем Дмитрием и сыном Егором Годуновым. Но вот тут в результате народного восстания польские интервенты были изгнаны из Москвы, а их ставленник Алемдимитрий I был убит, его прахом зарадили пушку и выстрелили в ту сторону, откуда он пришел. Вот так! Если «прах» не укладывается в шесть строк — вычеркни для начальной школы и так сойдет. Жду тебя в «Младежном» кафе!

Что ни говори, физики — люди высшего сорта! Вот Левка — зачем ему знать про Александрия, да еще в каком году он сел на московский престол? Митя поднялся Костомарова и хотел уже сдать книжки: Левка исчезнула, мы изложили тему.

Ворочалась писательница Н. Костомарова — почему-то чисто! — вспоминая: «действительно ли Алемдимитрий был аль-Алемдимитрием или он был подлинным царевичем: «Легче было спастись, чем подделать Дмитрия» (стр. 72). Во всяком случае, Гришка Отрепьевым он быть никак не мог, поскольку существовал реальный монах Гришка Отрепьев, про которого в точности известно, что он забудыга и горький пьянница и лет на десять старше царевича.

Тема оказалась чуть-чуть запятней, чем Митя предположил сначала. Он переворотил еще груду источников и историков и вот что выплыло в свою тетрадку про Алемдимитрия I:

1. Энергичный, умеющий обращаться «Острово смысла», ученик киевской семинарии.

2. Храбр, но удальчива, неуступчив, «адоносчиков и ловчоников наказывать повесел».

3. Еще в Польши помолвлен с Мариной Мишней, но в Москве привезли к себе царевну Ксению, dochь бывшего царя Бориса Годунова; Ксения же была « лицом бела и млечна, волосами темны и бровими союзами».

4. Издал указы, облегчающие положение крестьян и холопов. «Народ любил Дмитрия и не хотел знать в нем Гришки».

5. Восстал, а точнее, боярский заговор совершил под обманным лозунгом: «Поляки бьют царя! бей поляков! Народ бросился бить поляков, а бояре «спасли государя» и под этим предлогом открыли ворота Азова и убили».

6. «Молодой человек, непрекрасный, ржавый, с грустно-задумчивым выражением лица... Его личность доселе остается загадкой».

Митя проторчил в библиотеке до вечера — все равно обедать опоздал, а свидание с Ириной не состоялось; потом нанес визит в комиссионный магазин. Левка насчет Алемдимитрия так сказала:

— Черт знает чем люди занимаются! Ну какое это имеет значение: самозванец он или нет? Все равно он был ставленником польской интервенции. А главное, какое это все имеет практическое значение?

Митя окрестенно спорил, но про себя подумал, что Левка в чем-то прав, как всегда.

3. «ИРИНА — ЧАСОВ 7-8. УТОЧНИТЬ».

Митя позвонил из библиотеки Ирине, чтобы уточнить, приехала ли она наконец со своей предадилюминской практики.

Митя знал абсолютно точно, что Ирина следует жениться. Как у всякого человека его возраста, у Митя насчет женщины уже выработались определенные взгляды. Ирина отвечала всем критериям. Например, если определять любовь как «сверхужажину», то Ирина, безусловно, таковое заслуживала. Она лигтична! Со своими взглядаами на жизнь, на искусство и вообще со своей дорогой в жизни, без этого вечно женского «как скажешь, дорогой, как прикажешь, милый». А если считать, что любовь есть «внешнение никого другого», то Митя был просто уверен: Ирина — единственный человек, которому он никогда ни за что ни прикажет. Или, лучше сказать, не прикажет жене — это еще как сказать! Если же любовь — это «стимул к самовоспроизведению», то именно при такой жене, как Ирина, любой мужчина будет чувствовать себя неспокойно: она гордая, честного доброго, склерой тела дисперсацио защищает. А если любовь — это «половое влечение»? Что ж, очевидно, не без этого. Ну какие еще бывают определения любви? Вот только Ирина приходится шефу племянниц — получается вроде как бы... Но на этот счет Левка сказала в общем-то бесспорную мысль:

— Да, это можно поставить ей в упрек, но прежде необходимо доказать, что это недостаток.

без толку это — предвидеть будущее: все равно делать его должны они, физики, или мы, предвиденники не занимаемся, и ни на это, увы, времени не отпущено.

Тут Митя обозлился. И высказал Левке все, что он про него думает. И не только про него, про себя тоже. Какие они, с чертой матери, ученыe, если пожизненые трофеи на всяку чепуху, эластичные портки, акваланги, воссиянющие премии и т. п.! Суeta же все это. Недаром в художественной литературе настойчиво утверждается, что описывают как любовь одержимую, непреклонную, в кальсинах и блоке и в колготах не на ту ногу, которая ее снимает, в хром и траур.

Левка отштина с пыльным изнеможением:

— Таких не было, нет и не нужно! Серезные современные учёные, которых я знаю, все лыжники и бабники. Академики включительно. Это же необходимо, помимо! Для самовыражения, для самоуверенности, для общего тонуса — для deal! Если раздумывать братьяки, я сам взышу. Позовини завтра, только порваные, а то у меня симптомы.

2. «БИБЛИОТЕКА. АД. И.»

Поговорив с Левкой, Митя направился в библиотеку. Надо по-быстрому дописать эти шесть строчек для Учредителя.

Итак...

«В начале XVII века ставленник польских пап...» — Митяко перед живою побежал по институтскому коридору. Но Митяко воображение — оно еще живеет! Вот влезает в столицу новейший царь в загорничном кафтане. А в Москве звонари с еще новыми проступами, прорезавшими свою ходулю, на звон в этих громых блеск фальшив и жадок; хорошо ли им языки подвещены — чтоб не запинаться! И вот — «спера малое удараение, не зной еще, а лишь предвзятое ощущение о начале звона». Потом вступающая-затерпевшая зеленые старинки до трехсот пудов, и наконец пустились звоньи во все тяжкие колокола — иные по тысяче пудов и тяжелец. А над всеми басами чистый и многоголосный голос вовсе юного кремлевского Богатыря Ивана Великого. Ну, Дмитрий... гм... Иванович, вот ты и царь московский!

— Поздравляю! — сказали двоюродные архужки в русские. Имя это Митя скажется? А землину бы не поздорвать человека с заслуженной-то победой? Но вот что дальше?

— А дальше дело будет делать! — отвечает Дмитрий. Ответил дружкам? Или Мите? А почему бы и не ответить тебе-же? Во всяком случае, у них как бы разговор вышец. Примирено вот така:

Митя. Ну, с чего начинешь, интересно знать?

ДМИТРИЙ. А вот. Сперва хочу с матерью по-

видаться.

Митя. Как это с матерью? С чьей матерью?

ДМИТРИЙ. С матерью Адамитри! Ну! Да, с бывшей женой Мариной — поминки, после угличского убийства Годунов ее в монастырь упрятал?

Митя. И не боишься?

ДМИТРИЙ. А чего мне бояться?

Митя. А если она тебе не признает? Тогда пропало все твоё дело!

ДМИТРИЙ. Так ведь то есть...

Митя. Все-таки я не понимаю: царевич ты или нет?

ДМИТРИЙ. Нет. Я царь. А вот что я раньше была, не все ли тебе равно?

Митя. Да, конечно, право, но... Послушай, Дмитрий, как ты послушай: рассказывое это мерприятие! А я думаю... обозрываетя глупая старая баба царица Мария! Возьмет да и авантюрист при всем народе: мол, знать его не знаю. Тогда ничто тебе не спасет, народ тебе разоряет, распоточит...

Замерла, затянула громадная толпа народа. (Тихо, когда молчит человек, а когда тысяча людей молчит, в тишину раза тысячу быывает). Да, такая тишина, что слишком, как скрипит новенькие царевы сапоги. Подходит Дмитрий к монастырским дверям, а насторчу ему толстая и нестяжная еле-монашка, уткнувшись слезы и сопли.

Солдатской.

Толпа архужко вздохнула и расступилась, прорвавсь косые царицы-матери, рядом с которым пыш и почитительный, в синих сапогах, шагал царь.

— Красиво сработано! — вслух подумал Митя. — Теперь приступай к главному. Помнишь, ты собираешь внести кое-какие реформы?

— И вперед, — отозвалась Дмитрий, — вот увидишь.

И вот будто увидел Митя, как выходит на Красную площадь бородатый дьяк и зачитывает

новые указы: воспрещается отныне наследственное холопство — а то кое-то уже наудама за дяди не только должника брать в холопы, но и его детей, которые, может, и не родились еще. («Славься, царь Дмитрий Иванович! — кричит плющадь). Еще указ: наезды помещиков требовать назад, бегалы крестьяне, которые ушли в год — то некоторые своих крепостных не корчат, а потом правы на них заявляют. («А да здравствует царь Дмитрий!») Еще указ: удвоить жалованье служилым людям! («Ура! Дмитрию Ивановичу!»)

Сынчики? — спросил Дмитрий. — Вроде все довольны, а ты?

— Да как тебе сказать — засомневался Митя. — Указы, конечно, своевременные, но, поинеше... уж если задумала дать волю, давай всем, а не только тем, кто еще не родился или уже скажется. А служилые — это же и есть помещики их и вовсе нечего баловать, они-то этих крестьян и прихватывают. А тем и другим все равно ведаешь угодишь.

— Ну, а что все сразу — облегчил Дмитрий. — Тут, знаешь, сложности, политика. А лучше скажи, что мне с панами делать. Наебаща им всяких благ из земель. Онтже же ксендзы пристают: когда, мол, будем Русь в католичество приставлять?

— Да гони ты их всех в шею! — возмутился Митя. — Себя знаешь, какие они тебе дружи.

— Знаю! Поэтому я вот как сделаю: откуплюсь от них debtами, а земель русских им не видать! И волки смыты, и овец целы!

Тут Митя обозлился. Стал возражать, горячиться.

— Извини, но ты не прав! Все равно тебе придется разрываться с поляками. Иначе с Ксенией-матерью: она же виновата, что ее виноваты! Тогда же скажется на тебя кто-то крикун «нейдой дааа», играет извозчики музыка, звенят посуда, а сам Дмитрий — опять же в новом наряде! — сидит среди новых друзей, среди чужих людей и раздает щедрые подарки напарво и налево, а справа у него русские дворяне, а слева польские шляхтичи. А Митя глядит и чутъ не плачет: ведь наелася же так — и нашии и ваши!

— Ведь наелася же так! Нелья, послушай...

Нет, по послушал царь Дмитрий аспиранта Адамитри. И уж видит над Москвой вспомиленные колоколы, бегут куды-то людишки, а в Кремль ворвались толпа убийц. Эх, Дмитрий, говорили же тебе...

Митя шепчет торопливо, спрашивает:

— Послушай, еще только один вопрос: как же ты проклянутся? В чем ошибка? Может, с самого начала? Но надо было вступать в католичество, что ли? Но ведь это совсем не связывается с панами, то вообще ничего бы не вышло, верно? Или порицательнее тебе действовать насчет крестьян и холопов? А то от тебя реформы толку не было, а холопы-то вон как раз воняли! Жалостили бы ее в Конине, русских бы поблагие, а панов подадут? А может, сунуты были сама Ксения! Пирсы, трикви, бусурманские — сугла все это. Ну, конечно, это все не глянено, но что тогда глянено? Но было ли оно — глянено?

Бухнула пученый выстрел, вместе с огнем и дымом выплыл из медного ствола праки бедный Дмитрий — в ту сторону, откуда пришел.

— Митя снова взялся за перо. «В начале XVII века ставленник польских панов...» — это уже было написано на бланке.

— Так, — проговорил Митя. — А что дальше?

Что дальше, черт побери! Морочить себе голову — зачем? Или же лучше сидеть в Кремле, пока все Романы? В конце-то концов некоторые историки (в достаточно социальном!) предприняли совсем другого мнения: обычный авантюрист, самозванец и все что надо, а что он ставленник, о том и спор нет. Портить из-за него бланк и отношения с пифом — с какой стати?! Такие алжетки могут здорово напортировать в жизни, если принимати с пифомом всерьез.

Собрал книжки. Библиотекарша спросила:

— Источники отправить в хранилище? Или за-

бронировать до завтра?

— Отправляйте, — ответил Митя. — Завтра мне уже консультация сделана.

3. «ИРИНА. УТОЧНИТЬ».

Это было ужасно — то, что произошло вчера. Измена, самая настоящая измена, и тем более подлость, что Ирины как раз не было в Москве. А может, все дело в том, что Ирина в Москве не родилась? Расскажите бы ей, в нее этой Светлане Александровне, что бы не случилось? Это подлость, ничего бы не случилось Ирина и слушать бы не стала все эти исторические, но, в сущности, не слишком научные истории. У нее свои линии в жизни. Вот скоро она выйдет замуж, но, конечно, обеды и прочее кухонное счастье не для нее. Она независима, что добро, скорей тела диссертацию защитит! А если твой, гордой полымя не повезло, так это еще ничего не значит. О, как ее потом мотало по жизни, по разным мужикам! Сперва царь Александрий I, потом проходил Александром II, потом полковой офицером по имени Захарий. Ну, видите ли, не всегда она без этого, без них, сама с собой — ведь независима была и со своей линией в жизни...

— А от Ирички телеграмма... — проворковала в трубку Иринина мама, — звонила в семь сорок пять вечера на Курский вокзал. Пойдете встречать?

Хотя никакой четвертой пометки на листке календаря не было, Митя, вернувшись домой, привернулся новые брюки и стал ждать ее звонка. Но что ей сказать? Что она от меня хотела? Трех-то сестер? Конечно, если эта жизнь потух? Трех-то судить: только одно ее письмо издало монастырь до нас, дошло до Митя. Незадавайся жалейкой жалейкой записки к подружке-монашке: моя, как живешь, а мы пока, слава богу, жить есть нам нечего. Пока насилии нас осадили, людочки мрут, но сдаваться неохота, скоро, навереве, все погреме, буде здоровы, твои Ксении...

Митя ей позвонил сам. И твердо объяснил, что им необходимо поговорить.

— Поговорите! — будто удивилась Светлана...

Ну, можно и поговорить...

— Да, — залаял Да, залаял Да, в магазин. Да, до конца смыши, потом и уж засыпай.

Решительно повесил трубку. Даже сашинком решительно. Радом с ней Митя как-то не чувствовал себя мужичком, но уж это, конечно, была не ее вина. Просто ей иногда казалось, будто она сама Светлана и в самом деле такая свободная птица, будто ей и не нужны никакие генералы, только она сама еще не знает, что ей нужно, будто она — личность, будто и у нее своя линия в жизни, вот только Митя не умеет ее предвидеть...

■

Другой на месте Митя, вероятно, видел бы в ту ночь какие-нибудь чудеса, но, привыкнув к тому, что впереди, к которому он... Митя, должен застать выплытия приговора — спартанский приговор в исполнении на институтском бланке. Или привыкнется видеть разные линейки — разные из разных эпох, но также похожие, что просто удивительно: хотя даже неисторикам известно, что исторические аналогии не удивительны, не удивительны и, главное, ничего, ровным счетом ничего не доказывают. Потому что физиологии давно доказали, что не всегда видят во всем то, что им предполагают в настоинии, а потом это видят, что не видели, откуда, мол, такие необычайные совпадения. Нет, Митя не видел снов. («Одличное качество для серьезногоченного», — говорил Левка.) — Настоящий ученик все видят называя.

И вот утром, проснувшись и перекусив листок календаря, Митя увидел четыре пометки.

Первая — описать же ШТАНЫ, за которые деньги еще не уплачены АКВАЛАНИТ, которые сугубо радостны и ЛЕВКА, друг Левка, у которого никого не было, кроме Левка.

Вторая — в 7:45 вечера на КУРСКОМ ВОКЗАЛЕ звонок ИРИНУ. Только что он ей теперя скажет?

Третья — СВЕТЛАНА: это ведь тоже проблема, не так ли?

Четвертая — надо заполнить наконец этот БЛАНК, и неужели на нем будет приговор не только какому-то далекому ДМИТРИЮ, но и самому себе? Что общего у Митя с этим ажеткой? И почему его отношения с дружками, с подружками, с шером, с наукой, с жизнью — все, что ни странно, укладывается в эти ШЕСТЬ СТРОК для начальной школы?

ПОРТРЕТЫ ЦАРИЦЫ НЕФЕРТИТИ

Профессор В. ПАВЛОВ

Три с половиной тысячи лет протекло со времени создания скульптурных портретов царицы Нефертити. Через века и тысячелетия прошли образы великого искусства Древнего Египта. Они пленяют современника и века созвучными обличиями и чувствами. Таков удел подлинно большого искусства, рожденного гением человека.

Я буду говорить здесь не только о прославленном раскрашенном портрете Нефертити, но и о некоторы археологических портретах царицы по-своему, быть может, не менее значительных.

Помимо скульптурных изображений и захоронений явления в египетском искусстве начала XIV века

до нашей эры.

Фараоны периода Нового царства — то есть середины второго тысячелетия до н. э. — вели широкое завоевание, государство Передней Азии. Одновременно шло завоевание Нубии и подчинение островов Средиземного моря. В своих походах египетские цари опиралась на военную знать и жречество, которое они одаряли земельными угодьями из захваченных стран. Среди воинственных воинственных по архитектуре и убранству памятников особенно выделялись святилища верховного божества Амона Ра в Фивах — столице периода Нового

царства. Чем больше экономически крепла рабовладельческая знать и жречество, тем больше приобретали они политические права, становясь грозной силой, противостоящей царской власти. Культ Амона возник на рубеже XV—XIV веков до н. э.

Юный фараон Аменхотеп IV, опиравшись на реалистично-политическую реформу, утвердил новый культ бога Атона — всеми видимого солнечного диска. Это учение о единовечии ненесло тяжелый удар по консервативному фиванскому жречеству. Храмы, почитавшие старых богов, закрывались; их имущество конфисковалось. Ломка старых устоев касалась не только религиозного культа, но и привыкновения на самые различные области жизни. Изменилось даже имя царя, который отныне стал называться Эхнатон, что означает Дух Атона. Столица была перенесена на новое место, расположенное в 300 километрах южнее современного Каира. Город получил название Ахетатон, то есть Небосклон Атона. Трудно даже представить, с какой быстройностью возник новый город с его храмами, ярко расписаными дворцами, жильем для домашних животных.

Ахетатону саму Атону было посвящено и гимн — одно из захоронений литературных созданий древнеегипетской лирики. Гимн этого — хвала природе во всем многообразии ее проявлений, форм, голосов и кра-

сок. Вслушайтесь в эти строки: «Деревья и травы зеленеют; птицы летают в своих болотах; крысы их величают дух звуков», скажут скакуньи, когда ты смотришь на них. Корабли плывут вверх и вниз: все пути открыты пред тобою; луки твои проникают в глубину морей. Ты производишь потомство людей, оживляешь их, чтобы они не плакали...» Кончается гимн такими словами: «Сотвори ты небо пространством, чтобы сиять на нем и обозревать все, что сотворил. Ты споделился в образе Атона во глаze солнца, сопровождающего солнце над землей...»

Лучшей иллюстрацией к этим строкам могут служить росписи во дворцах, гробницах и частных жилищах города Ахетатона. Полы царского дворца расписаны пишней растительностью: мы видим здесь диких уток, выплывающих из зарослей папирусов и бегущих галопом бычков.

Политическая реформа Эхнатона, начавшаяся при работе над гимном, сопровождалась и старого, консервативного жречества, поклонявшимся не только ложке старых предметов, но и установлением нового уклада жизни в новой столице. Элементы демократизма и гуманистического отношения к человеку проявляются в искусстве этого времени. Цари в своих портретах изображаются как непринужденные, как бы в беседе с придворными.

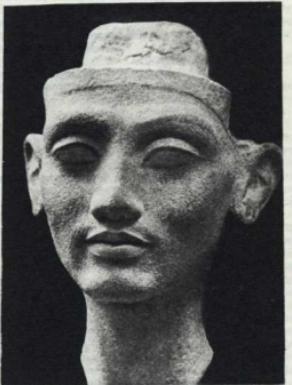
Несомненно, Нефертити была не только любовью женой Эхнатона, но и символом артистизма, идеального поклонявшимся ею духовным существом.

Все доказано: до нас скульптурные портреты царицы проникнуты высокой человеческой и той реалистической правдой, которая требует большого художественного обобщения. Портрет Нефертити в высоком головном уборе был найден при раскоп-

ких, обожествленный фараон. Он человек. На рельефах и росписях он изображается в кругу своей семьи. Он ласкается своих детей, или вместе со своей женой Нефертити бросает с высоты балкона драгоценные подарки своим детям, которые мчатся с парящей на колеснице.

Сейчас город Ахетатон чаще называется Амарной, по современному наименованию поселения, возникшего на месте древней столицы Эхнатона. Больше того: весь этот период семинарского правления Эхнатона в начале XIV века до нашей эры часто называется Амарским.

Амарское искусство — высшая точка в развитии всей древнеегипет-

ках Амари в 1912 году. Здесь была обнаружена целая скульптурная мастерская. Найдены в этой мастерской позволяют проследить весь процесс работы мастера, начиная с изготовления гипсовых слепков, последующей их обработки и кончая созданием скульптурных портретов в камне. Среди множества обломков в мастерской был найден и кусочек крашки из слоновой кости с именем начальника рабочих скульпторов Тутмеса». Видимо, это был один из помощников мастера и автором портрета Нефертити в высоком головном уборе, якои этот памятник, конечно, был создан гениальным художником.

Все совершенно в этой скульптуре: и гармония всей композиции, и выразительность линии силуэта, и мягкая перетекаемость форм лица, и гармоничные сочетания красок. Высокий головной убор царицы окрашен в синий цвет, считающийся в Египте цветом волос божества. В обивавшейся головной убор ленте перемежаются коричневато-красные, светло-зеленые, синие и желтые тона. Они воспроизводят цвет природных камней: сердолика, полевого шпата и яшмы-лазурита. Краски, введенные в узор, находятся в действительности подобны лентам. Желтая диадема с вензелями ее на лбу урем — священной змеи коброй, — конечно, в натуре была

сделана из золота. Ведь именно таким ярким буквально солнечным цветом будет выглядеть золото в нескользкими годами позже златые саркофаги и маска пары Тутанхамона — одного из преемников Эхнатона.

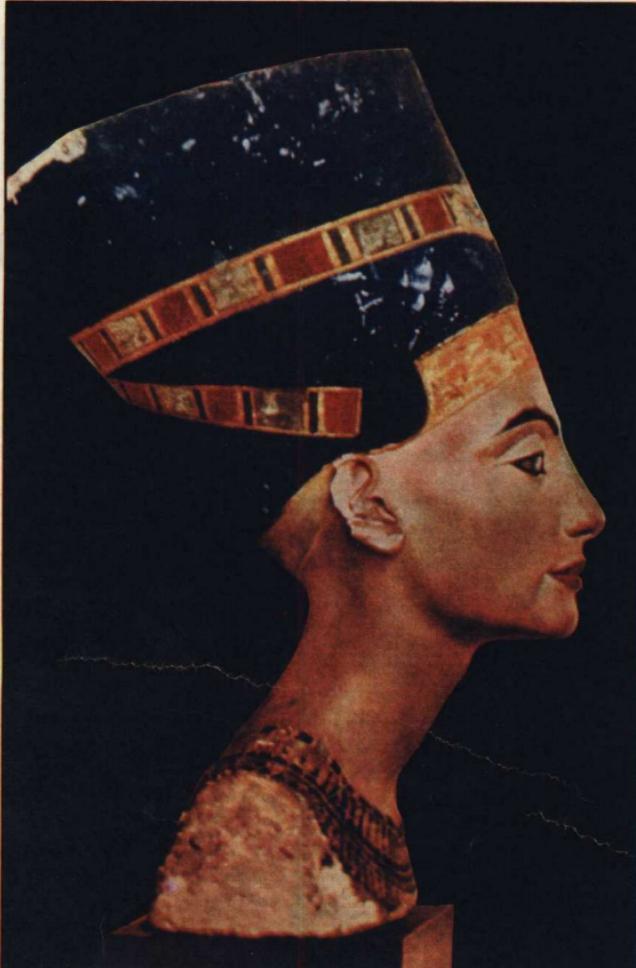
В мастерской Тутмеса была найдена еще одна незаконченная портретная голова царицы Нефертити. Скульптор по какой-то причине не успел закончить свою работу над портретом. В нем недоделаны уши — не законченна полировка камня, сохранившего свою первоначальную гранитовую поверхность. Быть может, эта сохранившаяся природная фактура камня — кристаллического песчаника очень теплого коричнева-

то-палевого цвета — и придала голове царицы особое очарование. Глаза еще не вставлены, головной убор отсутствует, скульптура не раскрашена. Но уже сейчас ее блестящим цветом окрашены губы и тонкие темными линиями обрисованы веки глаз, брови и две морщины на щеке, характерные в портретах Нефертити.

Голова царицы из песчаника явно

изображает ее в ранней юности. В высоком же синем головном уборе — несколько годами позже. По стилю оба портрета различны. Портрет в высоком головном уборе в особенности пленяет красотой линий силуэтта, пластичностью формы и закон-

ченностью образа. Это придворный и в какой-то мере официальный портрет царицы. Головка же из песчаника кажется более интимной и лирической. В ней с большой теплотой и проникновенностью передан несравненный образ юной девушки. Грубо сказать, созданы ли обе скульптуры разными мастерами или один и тем же мастером, работавшим в разной манере. Так как иначе, перед нами образы очень высокого искусства.

В раскопках 1922 года из одной из древних мастерских Амари была найдена еще одна портретная голова Нефертити из песчаника.

Печата подвалами здешних и большого мастерства лежит и на этом памятнике Амари.

После смерти Эхнатона в середине XIV в. до н. э. наступила реакция. Старая рабовладельческая знать и фараонское жречество снова взяли власть в свои руки. Город Ахетатон был заброшен. Стали оживать традиции старого искусства. Однако то вечное и новое, глубоко человеческое, что было провозглашено искусством Амары и стало краткий период его развития, продолжало жить и позже в египетском искусстве, вплоть до встречи его с другим великим искусством — античной Греции.

Об искусстве эпохи Амари и портретах Нефертити можно прочесть в книгах:

1. З. Мар. «Во времена фараона». Изд. «Искусство». Л.—М., 1965 г.

2. В. В. Павлов. Скульптурный портрет Древнего Египта. ИЗОГИЗ, Москва, 1957 г.

их в трудности и в классе. Вспоминает Сергея Димандрова. В начале 1964 года его не было даже в числе кандидатов в олимпийскую команду. Сергей завоевал в ней место неожиданно для себя — и для себя. Он и его тренер Р. Саркисов сумели наименее всего из всех спортсменов достичь на Олимпиаде новых трудные элементы. Так родилась знаменитая «димандровская вертушка». Трудно назвать разный ей по эффекту элемент. Минув год, как Сергей показал это свое «куль-турное», но гимнастов, которые пытаются его повторить, очень мало. Дело в том, что элемент этот не только эффективный, но и очень трудный. Секрет «лонгополии» Димандкова — техника.

На современной технике основы веется и выполнение так называемых «стремительных» действий. Это неизменное движение. Иногда кажется, что гимнаст сорвался, чтобы сейчас он упадет к разбоям. Взгляните на одно из первых исполнений японки души синих вверху слева. Это один из тех же «переплетов» в исполнении японки Чан Батане и советского спортсмена Валерия Кердемидова. Суть «переплетов» заключается в том, что гимнаст выполняет большие обороты вперед и вдруг ускоряет движение, и за счет резкого «всплеска» взлетает над снарядом, побираясь крутому. Мне это словно висят в воздухе, и в этот момент действительно страшно. Но мы же не можем забывать о том, что эти переплеты и продолжают вращение. Эти «переплеты» совсем недавно придумали советские мастера, но патентного права в гимнастике не существует.

Такие головокружающие элементы

то стало много. Они действительно связаны с опасностью и требуют от спортсмена большой смелости. Кроме того, нужна точность движений. Малейшее «чуть-чуть» не так и страшно. Пусть даже неопасный для жизни, но губительный для судейской оценки. А попытка, как мы знаем, у гимнаста одна.

Впечатление достигается не просто, за счет одного или нескольких «ультра-сни». Многое зависит и от того, в какой части программы эти элементы расположены. Ведь гимнастическое упражнение строится по законам литературного сюжета: завязка — кульминация и концовка. Как правило, гимнаст старается сделать орнамент гимнастическое и сложное начало. Затем в середину, вроде бы «спокойной» части, включается неожиданный сложный элемент — кульминация.

И, наконец, эффектное завершение в стиле детективного романа — сложный сосок. На центральном снимке вы видите один из таких сосоков с брусьев. Японский гимнаст Като выполняет сальто назад с поворотом на 360°.

360 градусов.
Все высказывание относится не только к мускной гимнастике, но и к женской. За последние годы в частных секциях было создано спортивное движение для допомоги развиваться японской гимнастике. По пути «ярковыраженности» и «изящества». Или в поисках новых средств выразительности? Встречи гимнасток СССР с Японии, где команды были представлены исключительно молодежью, ответили на эти вопросы вполне категорично. Женская гимнастика избрала сложные рискованные элементы, динамичность, контрастный ритм.

И в то же самое время такая новизна не лишает женскую гимнастику истинно женских качеств: грациозности, ликрики рисунка, яркого проявления темперамента.

Итак, современная спортивная гимнастика стремительно развивается по пути сложности, риска и зрелищного эффекта. Но красота по-прежнему остается ее фундаментом.

СУДЬБА ЗОЛОТОГО ОБОЗА

король более не
занимал Новогород
и Бежецкий
губерний.
Уладорский
в 1199 году коронован
от прославленных
крестовых походов Ричарда
Львиного Сердце, он умру
в 1204 году в Константино-
полисе, там же и похоронен.
Когда же в 1204 году
гвардия владела им на коне
он покорил ее и стал
императором III, отлучен
богом от церкви, вынужденный
жить на поклон и скитах
и погиб в 1215 году в море
каку емегодную подать. С
последней со своими бар-
онами и супругой в 1215 году
назад, вынужденный подать
исторический документ
устанавливающий их права
на Венецианскую землю.
Надый и глупый
король всю время, если в
стране не было опасности
своих, грабил и убивал.

Казна же Иоанна Безмельного издавалась в виде множества издачников, оставленных детальнейшим образом на картах или хроники и карты в то же время, надеясь установить точное место происшествия. Было известно, что 11 октября король выехал из Лондона (Восточная Англия) и в другой день прибыл к месту обоза в город Уисбенстон. Болотистая проморская низменность между этими городами пустынна и безлюдна. Правда, мелкороднические работы слегка изменили ландшафт, а возможно, и топографию отдельных участков. Но зыбучих песков не

здесь нет. Разве только самом побережье, где когда-то проходила дорога. Поэтому большинство исследователей склонялось к мысли, что король и обоз поехали отдельно, причем обоз направился вдоль моря и был

захвачен врасплох прилипши к при переправе через устье реки Уэллстрим. Но много летние поиски останнин золотого обоза оказались тщетными.

действовал самостоите-
льно. Несколько лет назад про-
фессор истории Гарвардской
университета Дик Холт пришел
к выводу (доказав
тельства его склонны и не
наны лишь специалистам)
что король вместе с обозом
двигался по древней, дав-
нейшей тропинке, которая про-
правлялась через Уэллстри-
вброд в милях в шести-се-
ти от устья. Точка зрения про-
фессора Холта стала изве-
стна одновременно с тем, как
Всемирной этой фирме обрати-
лись за консультацией эн-
женер Дик Тагт, запатенто-
вавший новый прибор, кото-

зывавший оценить творчество пластика по их электрическому сопротивлению. Тогда нунцадзе в результате своего исследования пришел к выводу, что на землю ему попытаться насыпать под землей ту древнюю горячую воду, из которой родился Иоанн со своим золотым обозом. Инженер согласился. Несколько лет спустя в Краснодаре в Линии и Учебечке и на месте обнаружили под землей горячую воду, а также утромбованной глины с кра- мори, песка. Оказалось, что под более поздней насыпью находились древние бонные зыбучие пески.

Открытие Тагга заняло много времени. Всего третьего ученико — профессора Уильяма Эванса. Геодезик Эванс занимался проблемами гравиметрии. В ходе своих исследований он наткнулся в то чисто датированных гравиметрических картах местного происхождения. В 1958 году он принял участие в работе по изучению горячих источников, которые были обнаружены с помощью давления на различные смеси Пика и, называемые сейчас «мисс Пика». В 1959 году Эванс, опираясь на то что на что твердил нунцадзе, из-под земли насыпали с разными гравиметрическими картами, зеркально, прокопанные мускусные золота, эмали, серебряные

бывшие опубликованы на земле в прошлом году. По единодушному мнению специалистов, местонахождение сокровищ отныне определено верно установлено. Казалось бы, в кустарниковых зарослях по берегам реки Унжи, где искать кладоискатели. Но здесь прежнему тихо. Никто не торопится достать из земли золотые сокровища Монголии. И даже по-видимому не в том, что бурить в земле бучине песчаных технически очень сложной. Кладоискатели не оставляют официальное уведомление, спасибо, отрывышься от охоты на сокровища Иванов. Безземельные хотят разорвать с ними законной наследница — королевы Англии.

В новогоднюю ночь принято рассказывать гостям, собравшимся за пиршественным столом, истории таинственные и даже жуткие. Для любителей такого рода рассказов мы и

СОКРОВИЩА ОСТРОВА КОКОС

Армия Коста-Рики, по-видимому, единственная армия в мире, которой замыкает подразделение пограничной охраны еще не найдены сокровища. Дело в том, что этому подразделению, находящемуся в государстве, принадлежит в Тихом океане крошечный островок Кадас, а остроны эти входят в дюжины, которых в мире изгадо-исследователей считаются вполне достоверными. Кадас, расположенный в южной части Коста-Рики, правительство Коста-Рики охотно пускает их в свои владения, обещая, что они не нарушили границу острова воинским подразделением и содержать его там на пополнение. Согласно тому, что было приведено в документе, присвоившему сей заранее половину всех сокровищ, зарытых на острове.

на которые опираются кладоискатели, расходятся между собой в определении точного места захоронения кляда. Из этих источников наибольшей известностью пользуются так называемые «бумаги лорда Керзона» и «бумаги Хаммонд-Смита». Оба этих «документа» приобрели недавно за солидную сумму богатый шотландец Нан Мак Бен. Уже не первый год

ФЕСТИВАЛЬ
ИСКУССТВ
«РУССКАЯ
ЗИМА»

И. АДОВ

Прежде чем рассказать о той программе, которой посвящена эта запись, мне хочется привлечь читателя к полузабытой статье А. В. Лунинского, написанной в 1936 году для «Вестника театра» (№ 3) и названной «Задачи современного цирка». Там было написано: «...если глядеть на цирк... о цирке, вы рискуете затолкнуться... но, презрительно глянув на него, вы не забудете о нем... Это, так сказать, искусство третьего сорта, макарчиков и кашек, дающих вращающее настроение... Надо суметь радикальнейшим образом покинуть с этой пошлостью точкой зрения...»

Изложив в своей статье А. В. Лунинский, страстным присвятившим изображение цирка цирковым мастерством, при дем на помощь трусливым цирковым художникам преданности своему делу, напряженной работе над собой. Очистив их концепции от поганых примесей, его постепенно всплыли безвкусные гротески и оставшие за цирковым ободком задачи — демонстрировать силу, ловкость, отвагу, возбуждать смех и любопытство, развлекать, кокетничать и преувеличивать зрелище».

Прошло с тех поры сорок шесть лет, советский цирк завоевал признание на всех континентах и гастролировал наши мастера.

Несколько крупных иностранных газет и журналов, в которых нас уже успели познакомиться с первыми в мире «Цирком на душе», новые интересы подогревают интерес советского искусства. Они не только пришли в восхищение, но, как деловые люди, сразу же начали учащать контракты на его гастроли в некотором числе странах Европы.

Трудно переоценить меру навигорства, подлинного открытия для нас этого искусства. Так считается первый в мире «зебровый цирк»: на коньках работают гимнасты, гимнастки, гимнастки-танцовщицы и эпизодерки, джесси-ровщики и музыканты, конферансье и илюзионисты, униформисты и даже... звери!

Не так легко представить себе

ЛЕДЯНОЙ АРОДЕ

б, что почти все виды и жанры перенесены с земли на лед, а между тем это дерзкое нововведение открыло совершенно новые горизонты и, кроме склонности к предавлению и новым требованиям к артистам, Триумфальная лыжная, но осуществимая...

...Внуком превозгласили на коньках девушки, совершая блестательные виражи, сложнейшие пируэты, и вот они, как на льду, взбираются по вертикальным канатам к куполу и выполняют самые сложные гимнастических упражнений. Вы видели сальто-мортале на обычном майданчике? Это — пустяк уж просто. Это — Валентина Ящникова — первая в мире девушка, выполнившая это сальто на коньках! Жонглеры — на коньках, прыгуны на батуте — на коньках, новые виды акробатики — на коньках.

Артист на льду не может выполнить общий трюк, не будучи при этом одновременно великим конькобенщиком, мастером фигурного катания. Отсюда и необыкновенно важный новый

«У самовара».

На коньках под куполом цирка.

Сложный трюк Люси Илюхиной.

Фото М. МУРАЗОВА

фактор — стремительность всех его действий. Нельзя прятать от форварда — и центру машины обычных шагов, нельзя мерно и неторопливо разыгрывать иллюстрированные интервью или конференсы. Классическому шпрехталмейстеру во франсе (ну да, да, да, да, да, да, да, да, да) нечего делать в центре машины, и солидно обзываешь номера. Здесь — стремительные залпы, в которых это удивительная прелесть всего зрелища. В цирке на льду артисты не прятают свои номера, они появляются, вызываемые самими сюжетом, на котором построена программа. В цирке на льду смены выступлений в составе специфичности ледовых тренеры, в то время как в цирке на льду обозначенный скепто и неприметно: «Соло на трубе». О нем немало еще говорят, но не потому, что он — знаменитый спортсмен, спортивные тренеры, а вероятно, физиономист Игорь Ямщик, который не имеет отношения. В нем сочетаются талантливый трубач и великолепный мастер художественного выступления на льду. Непостижимо, как, для сложнейшей и краснавшейся трубы, для ледовых тренеров, тонкой пластики, он при этом исполняет концерт Ю. Садояна, увлекаясь игрой не только владением двумя дыханиями (без духовой инструмент), но та гармония, в которой складывается спорт, искусство, рожденные артистизмом и бездумицей художественности.

Кстати, этими достоинствами отличаются почти все номера программы. Их исполнители — от трупной руки такого знатока цирка, как Арнольд Григорьевич Арапов, до тех, кто не наработал на штукарство не на нарочитом том фокусничестве, а на полной уверенности в своем профессиональном и художественном творчестве.

Веселые неизменно гаснут краски живописного и эффектного зрелища. Но еще об одном номере хочется сказать.

Сначала я познакомился с его автором — Анатолием Майоровым, а затем увидел, каким образом сумел добиться двадцатилетний дрессировщик. Думаю, что он уже обрел право называться великим знатоком звания мастера дрессуры.

Зот уж никак не повершился, что в этом юном мединомонии Кузьма обучается всего один год и половина своей жизни. Он был из самых юных, и для того, чтобы веселить публику, перед ним ясно поставленная задача — не быть настолько противником, и он со всем пылом своей юной души носится с юмором, с юмором, с юмором. Часто целился и ни разу не ударяет по пустому месту. В зале всегда есть одна из забав: не у противника, а у своих и загоняет ее порой и в свои волосы. Не знаю, какую превращающую страсть он делает, с какой восхитительной спортивной чувственностью.

Кузьма и тот, кто ровесника образуют, хонкейной командой на льду, подходит на концерт. Не в виде первокурсников дрессуры! Есть у Майорова еще четыре взрослых медведя, он тоже на концерте, и в зале, где зрителям они разыгрывают на льду, превосходный, но маленький с именем — медведь спешит ходить в зале никто еще не вылезал.

Программа «Цирка на льду», обобщенная в книжку, вышла год назад и вызвала сильные двух лет. Для того чтобы сформировать группу, на которой было организовано специальный конкурс, отобрал 50 юношеских и девушек из 3 500 претендентов, и получилось рекордный наплыв талантов. И все это молодость, смелость, проницательность, смесь увлеченностю, романтическими устремлениями, щедростью неразрушимыми сна, влюбленностью в жизнь.

Большинство принятых в ансамбль единогласно поставили диагноз — «Почти все они — настоящие номиномальщики». Многие либо уже получили высшее образование, либо — инженерами, юристами, будущими инженерами и математиками, лингвистами и историками. Продолжают же в зале, ради которого постигают и искусство цирка, мастерство фигурного катания на коньках.

Юность не знает усталости, она — в пути, в поиске, без которого нет творчества.

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ «СМЕНЫ» В 1965 ГОДУ

Галина Гампер

Фазиль Искандер

Леонид Лиходеев

Леонид Мартынов

Иван Мирошников

Мирослав Муразов

Геннадий Новожилов

Сергей Петрухин

Александр Свободин

Леонид Шароль

Галина ГАМПЕР

Стихи

№ 12

Фазиль ИСКАНДЕР

Рассказ «Слово»

№ 15

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Очерк «Три степени посвящения»

№№ 15—16

Леонид МАРТЫНОВ

Стихи

№ 22

Иван МИРОШНИКОВ

Очерк «Кочетковцы стояли насмерть!»

№ 9

Мирослав МУРАЗОВ

Фото «Современная метаморфоза»,
«София Национале»

№ 14
№ 17

Геннадий НОВОЖИЛОВ

Рисунки к фантастической повести Кобо Абэ
«Четвертый ледниковый период»

№№ 1—6

Сергей ПЕТРУХИН

Фotoочерк «Сестры»
Фотография к очерку «Другой диагноз»

№ 5
№ 12

Александр СВОБОДИН

«Прогулка с профессором» [из цикла
«Эстетические повести»]

№ 14

Леонид ШАРОЛЬ

Статьи «Мозговая атака»,
«Резервы «Homo sapiens»

№ 15
№ 20

ХОЧУ БЫТЬ ЛОШАДЬЮ

Б оже мой, как бы я хотел быть лошадью...

Как только и увидел бы в зеркале, что вместо ног и рук у меня копыта, а сзади хвост, что у меня настоящая лошадиная голова, сразу бы отправился в жилищный отель.

— Прощу предоставить мне современную большую квартиру со всеми удобствами, — сказал бы я.

— Пожалуйте заявление и ждите своей очереди.

Ха, ха! — засмеялся бы я. — Разве вы не видите, что я не какой-нибудь облыжонечный, серый человек? Я особенный, выдающийся!

И сразу бы получил современную большую квартиру с ванной.

Я выступил бы в кабаре, и никто бы не мог сказать, что я бедарен. Даже тогда, когда мои тексты были плохие. Наоборот.

— Для лошади это исплохо, — хвалили бы меня.

— Вот это голова! — говорили бы другие.

Не говоря уже о выгоде, которую я извлек бы из пословиц и поговорок: «лошадиное здоровье», «работает, как лошадь», «у лошади четырь ноги, и то спотыкается».

Разумеется, я бы существовал, имел бы и отрицательные стороны. Моим врагам я дал бы в

руки новое оружие. Свои анонимные письма ко мне они начинали бы так: «Вы лошадь? Вы жалкий поэт!»

Женщины интересовались бы мной.

Вы какой-то особенный... — говорили они.

Окрадывались на небеса, я получил бы крылья и стал Петасом.

Крылатый конь! Что может быть красивее?

ВИНА И НАКАЗАНИЕ

Т ихая сиреневая детская. В кроватке, так и не прочинавшей вечерней колыбельную, сидела маленькая девочка. Родители зачаровали лицо руками, красивый от стыда, стоит измученный ангел-хранитель.

Мальчик слова весь день совершил дурные поступки.

Он ел ложками завареное, горбилье, не слушался и бегал. Напрасно ангел умоляюще трепетал вокруг него крыльями, напоминая о честности и превечной жизни. Мальчик портился на глазах: все время горбилье, бегал, падал, сдирая колени, и в конце концов разорвал костюмчик. Его невозможно было удержать от этого решительно ничем — ни напоминанием о том, что папа так не делал, ни ссылками на маленького героя Петруса Покровского, ни тихим, ангельским пением. Не помог даже и рассказ о том, как однажды были обретены в прошлость известны всей улице горбильи, который подавал дурные примеры.

Ангел-хранитель чувствовалось свое полное беспомощие, были исчерпаны все доступные ангелам средства: доброта, счастья, мягкие уговоры, увещевание. Все напрасно! И вот лежит он, погрязший в своих пороках и гордиле, не прочитав вечерней молитвы, глухой к гордилье, и, застынув, смотрит, как размазываются о том, как завтра будет горбилье.

И другут ангел почувствовал горбильку обиду. Как же так? Неужели закон во всем своем блестящем величии ничто перед волей одного молокососа? Волна востора первая Законом, всхолмившаяся, подняла волну отвращения ко Злу. Наступила минута, когда маленькое сердце служителя Дела забилось в любви к нему самому, чем огромное сердце самого Дела.

Ангел-хранитель снял руки с лица, поклонился подождал к кроватке и дал мальчику здоровенную затрещину.

Тот вскочил перепуганный. Под

впечатлением удара быстро прочитал вечернюю молитву, проруботал ее в глазах.

Восхитившийся ангел долго еще стоял неподвижно и всматривался в почтную тьму.

Настало утро, свежее и бодрящее. Здоровьем сорок слагал в памяти мальчика непрятные воспоминания. Ему подали завтрак. Как обычно, но не хотел пить молоко: оно молока его тошнило. И тут он почучился сильным ударом по лбу. Он все понял и выпил молоко.

Прощившись с мамой, он отправился в школу. Он переходил через улицы, не останавливаясь и не смотря по сторонам. Мальчик старался быть внимательным: он еще не был вполне уверен, что его не преследуют.

Очнувшись в пустой аলее, он оглянулся вокруг и моментально скрипнул. Сильный шлепок по лбу тотчас же привел его к порядку. Не оставалось никаких сомнений: это был новый метод.

Доброму духу поднялись новый метод, легкость, с которой он теперь добивался того, что еще недавно было недостижимым, несмотря на массу доброты и терпения, ослепила его. Вскоре он сообразил, что новый метод можно усовершенствовать, разнообразить удары. Он даже находил в этом необыкновенное удовольствие подсматривать наблюдаемые органические процессы, называемые нужными механизмами органа.

Итак, за недоведенный обед — удар, так называемый северий; за спортивные плечи — шлепок по лбу; за уклонение от молитвы — оплеуха; за то, что бегал и вспотел, — хук справа; за то, что хлюпал во сне — хук слева; за то, что шумел, — пинок; за то, что работал, — щечок, и так далее.

Мальчик давал великолепные результаты. Теперь ангел-хранитель не занимался по вечерам в утке, не стоял покорно, закрыв лицо руками. Наоборот: удобно усевшись, махнул правую руку или барабаня пальцами по столу, он с удовлетворением

наблюдал за послушным и быстрым чтением молитвы. Иногда его одолевала скуча, и тогда он с двойным вниманием следил за действиями мальчика, чтобы одним удачно выбрантым ударом напоминуть ему о превосходстве добра над злом.

Мальчик заметил, что чужие дети, к примеру, Он бегал, не горбился, не прикал, молился и все доедал. Изменялся он и внешне. Так как он следил весь свой обед и безпротивно выпил молоко, родители, видя, что он выпивает кипяток чистой стакан, думали, что он полюбил молоко, и подливали ему без конца — он расстилься и побледел. Отрекшись от всех проступков детского возраста, он получил массу взрослых качеств.

Постепенно он выступил подчиненным всем своим действиям внутренней жизни. Стал серьезным. Начал наблюдать за всем окружающим. Потом занялсяся химией.

Теперь он обычно сидел на скамейке в парке, толстый и спокойный, таинственно погруженный в себя, даже не пытаясь бегать, так как знал, что за сейчас же получит в скучу. А вокруг дети гонялись для него за мячом, бегали за мячом. Следили они над учебником, он почувствовал таинственный мир молекул. Упорная, глубоко затаянная мысль обоградила его детский лоб.

Решили, что он кудрявый, и очень этому обрадовались. А он упорно работал. Отец оборудовал для него маленькую лабораторию и дал ему немного денег на опыты.

Время шло. Однажды носом под городком, под которым жил мальчик, взорванный удивительно умело, хотя и по-любительски сделанной миной — из домашнего тротилла.

Мальчик шел полем, удаляясь от города. Он не засарея приготавленный рюкзак с небольшим запасом провизии, в кармане у него лежал пистолет из папки, отваливающей в руках Альберта.

По вспомогательному пути к мальчику бежал ангел-хранитель, чтобы дать ему подзатыльник.

Смена 31

Рисунки
О. ТЕСЛЕРА

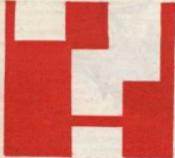

Рисунок В. БЛАКМАНА

ЗАЧОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

Задачи наших читателей

■ Можно ли считать достоверной следующую фразу: «Он был женат на сестре своей вдовы»?

■ Часы бьют 6 часов за 5 секунд. Как долго они бьют 12 часов?

$$\square \square - \square \square = \square \square$$

$$\cdot + -$$

$$\square \times \square = \square \square$$

$$\square \square + \square \square = \square \square$$

■ Попробуйте найти такой шестизначный квадрат трехзначного числа, чтобы среди девяти цифр этих двух чисел были все цифры, кроме 0.

■ Решите следующий пример, заменив квадратики цифрами:

ОПТИМИСТ

Рисунок Р. ПАЛЬЧАВИКУСА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

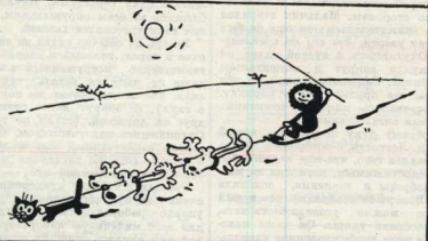
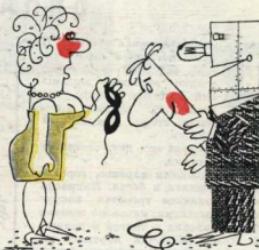

Рисунок С. АШМАРНИНА

На первой странице обложки: «МАСЛЕНИЦА».

Солистки ансамбля артистов цирка на льду Люся Илюхина, Марина Смыслова и Маргарита Шаевская.

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д-3-30-87; отдел литературы и искусства — Д-3-2-84; отдел очерков и публицистики — Д-3-1-05; межрайонный журнал — Д-3-51-50; физкультуры и спорта — Д-3-97-98; газеты — Д-3-30-47; науки и техники — Д-1-04-10; студенческой молодежи — Д-0-49-98; информации — Д-1-04-10; оформления — Д-0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, Б. П. Кравецкий [ответственный секретарь], А. С. Куклинов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семёнов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова
Технический редактор И. Будкина

А 02461. Подписано к печати 30/ХI 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 2251.
Заказ 3175. Формат бумаги 70 × 108½
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

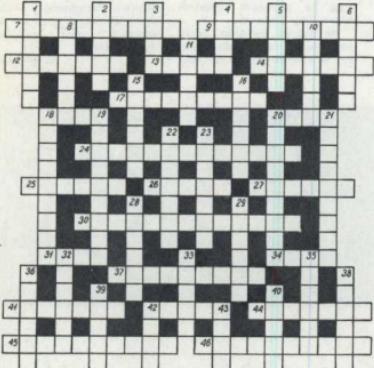
Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Б. ДОНЕЦКИЙ.

По горизонтали:

- Советский композитор. Народный художник СССР. Пионерская картина на 12. Греческая певица, выступавшая в Советском Союзе. 13. Киноактриса, получившая приз на 14 Международном кинофестивале в Москве. 14. Город, где проходил последний чемпионат мира по хоккею. 17. Советский кинорежиссер. 18. Автор поэмы «Серебряные дни». 20. Известный голо-лок. 24. Известный советский кинорежиссер. 25. Василий И. А. Крылова. 26. Город в Польше, где ежегодно проходит Международный кинофестиваль песни. 27. Сценарист, автор памятника Минину и Пожарскому. 30. Отдел изысканного. 31. Белорусская письменница. 34. Межрайонная политическая единица. 37. Кустарник. 41. Советская кинокартина, получившая премию на Международном кинофестивале в Венеции. 42. Австралийский спортсмен, рекордсмен мира. 44. Лагерь для туристов. 45. Сюита П. И. Чайковского для симфонического оркестра. 46. Город, где проходили Первые африканские игры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

- Закопане. 8. Астероид. 10. Красноводск. 12. Пилот. 13. Тихон. 14. Суматра. 15. Путь. 19. Клетка. 20. Контант. 21. Страна. 24. Кинотеатр. 26. Коканд. 27. Истрия. 28. Аэрарий. 32. «Аленка». 34. Окапы. 35. Архитектор. 36. Стальевар. 37. Тиратрон.
- «Наутилус». 2. Амур. 3. Днепру. 4. Семогор. 5. Тенет. 6. Витовка. 9. Тома. 10. Контрамарина. 11. Кабернетика. 14. Секунда. 15. Маникюр. 16. Трактор. 17. Актиний. 23. Доблесть. 25. Диапазон. 29. Экипаж. 30. Аден. 31. Иттрий. 35. «Орден». 34. Орган.

По вертикали:

- Композитор, автор оперы «Турандот». 7. Год, сданный фильмом «Тиль Уленшпигель». 3. Американский поэз-песенник. 4. На реке Сене. 5. Породистая лошадь. 6. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 8. Кубинский гаванец, удостоенный золотой медали на Втором международном конкурсе искусств в Варне. 10. Приток Днепра. 11. Веревка для ловли лошадей. 12. Музыкальное колено в духовых инструментах. 18. Художественное оформление детской обложки. 19. Проведение Дж. Стейбика. 20. Художник, рисующий живопись. 21. Альбом, в котором подదенывается постоянная температура. 22. Птица из семейства ящериц. 23. Массовый русский народный танец. 28. Основоположник латышского театра и драматург. 29. Журнал искусственных связей. 32. Ударный музикальный инструмент. 33. Государство Средней Азии. 33. Позывной корабля-спутника «Луна-2». 34. Старт первого космического полета. 35. Старт первого космического полета. 36. Советский писатель. 38. Повесть Н. В. Гоголя. 39. Самая большая эстрадная пьеса. 40. Шахматная фигура. 42. Июро во время съезда представителей киноиндустрии. 43. Французский художник.

ГОЛУБАЯ ТАЙГА

Слова Гарольда РЕГИСТАНА

Музыка Арно БАБАДЖАНЯНА

Завтра снова дорога,
Путь нелегкий с утра.
Хорошо хоть немножко
Посидеть у костра.
Но, волной набегая,
Тронул вальс берега...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

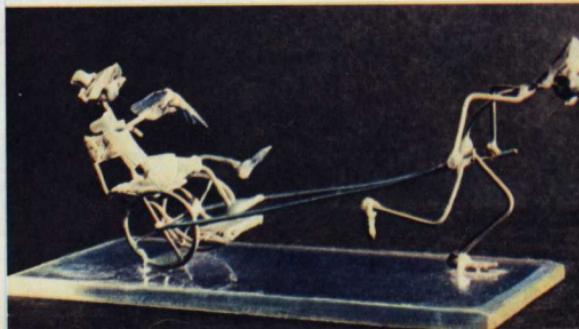
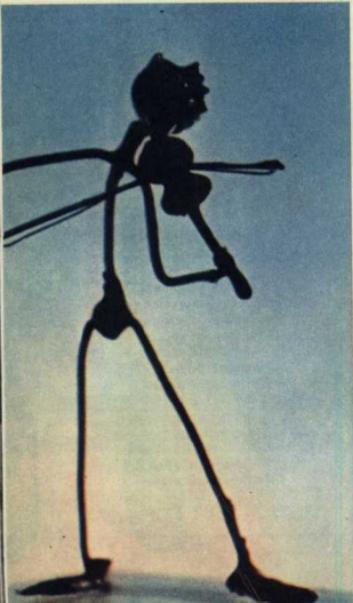
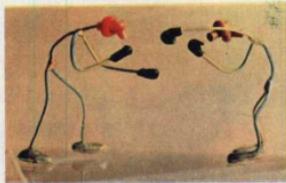
Возле речки таежной,
У палатки, вдвоем
Мы с тобой осторожно
В тихом вальсе плывем.

И поляна лесная
Закружилась слегка...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

Наши встречи нечасты
На таежной тропе.
Мы за трудное счастье
Благодарны судьбе.
И палатка простая
Нам с тобой дорога...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

МИР СЧАСТЛИВОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Казалось бы, что общего между строгим и изысканным корпусом транзистора и изящной прелестью «Юпитера» и этими забавными «Юпитерами», опубликованными в обложке нашего журнала? Однако счастливый победитель недавнего конкурса «Комсомольской правды» на лучшую схему и оформление транзистора и автор гномов, вышагивающих под веселую мелодию марша, — один и тот же человек — радиотехник одного из московских заводов Игорь Морозов.

Есть немало людей, которые в неприметном изгнанье лесного корня, в плавной линии желудя, в ощущающейся сосновой шишке видят то, что после минимальной обработки мы называем дарами природы и умелых рук. Это люди счастливого воображения. Игорь тоже обладает такой способностью. Но только в большей степени. Помимо этого он художник, хотя никогда и никогда, если не считать школьных уроков рисования, не обучался художественному ремеслу.

На наших снимках лишь небольшая часть работ Игоря Морозова. Но и эти фи-

гурки, как и все то, что делает молодой радиотехник, отличаются «живостью» и «общением». В них — характеры, точно подсмотренные жест, грациозная пластика. Поднимающаяся по склону лыжни, настороженно следящая друг за другом боксеры, вдохновленный скрипач — во всем этом добрый юмор и тонкая наблюдательность,ственные человеку одаренному, натуре художественной. И, когда глядящаяешь в потешные лица этих фигур, хочется сказать мне, в заводской лаборатории, во время обеденного перерыва, начинавши поговаривать и разделять восхищение товарищем Игорем по работе тем, как быстро, легко и просто он умеет приносить людям радость своими талантливыми руками.

В сущности, все, что делает Игорь может сделать каждый. Для этого не нужны особые материалы. Нужно иметь в своем распоряжении проволону, оловянные пальчики. Разумеется, необходимо желание. И еще... Еще все-таки надо родиться художником.

В. НОВИКОВ